

ИМПЕРИЯ СДАЁТСЯ ПЕРВОЙ

А.М. СУНГУРСКИЙ



А.М. Сунгурский

Империя сдаётся первой

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Империя сдаётся первой / А. Сунгурский — «Автор», 2026

В Солнечной системе появляется разбитый инопланетный флот. Земля ждёт ультиматума, но пришельцы предлагают капитуляцию — и свой флот человечеству, ещё не умеющему летать к другим звёздам. Руководитель контактной группы поднимается на чужой флагман, чтобы узнать условия невероятной победы. Одним побеждённым нужно убежище. Другие хотят сохранить власть. Третьи собираются передать Земле войну вместе с оружием. Чтобы понять, почему выбрали именно нас, людям придётся отправиться через разгромленные владения империи и встретиться с теми, от кого бежит её флот.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белая сторона	5
Глава 2. Сторона победителя	11
Глава 3. Тёплый камень	17
Глава 4. Место за стеклом	22
Глава 5. Голоса внутри	28
Глава 6. Право на дорогу	34
Глава 7. Чужое солнце	39
Глава 8. Первый берег	44
Глава 9. Цена возвращения	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

А.М. Сунгурский

Империя сдаётся первой

Глава 1. Белая сторона

Первый чужой корабль Ника приняла за ошибку изображения. На обзорном стекле возникла белая полоса, пересекла разметку грузового коридора и осталась на месте, хотя приборы ещё показывали свободное пространство.

— Юн, у тебя тоже?

Инженер не ответил сразу. Она услышала, как он задел ногой пустую упаковку от крепежа; та пролетела через рубку, ударилась о сетку и медленно поплыла обратно. На «Ласточке» закончился разгон. Тело ещё несколько минут пыталось найти тяжесть там, где её уже не было, и всякий незакреплённый предмет напоминал о недоделанной работе.

— Есть, — сказал Ким. — Наружные камеры видят. Дальномер пока ругается.

Ника отключила наложение траектории. Полоса стала кораблём: длинным, изогнутым, с тёмной щелью вдоль середины. От его переднего конца отходила в сторону плоская часть, похожая на сломанную створку. Белое покрытие было в коричневых подпалинах. Через щель просвечивали звёзды, и от этого корабль казался незавершённым, будто кто-то отнял у него середину, а две оставшиеся половины ещё не заметили потери.

Потом справа от него появился второй.

Ника уже не смотрела на картинку. Выбрала ручное подтверждение манёвров, отменила приготовленный на следующую смену импульс и передала аварийное сообщение ближайшему земному ретранслятору. До Земли оно шло двенадцать минут. Обратный ответ будет идти столько же, даже если там немедленно найдётся человек, знающий, что делать.

— Всем к местам, — сказала она. — Незнакомые объекты перед нами. Пока не сближаемся.

— Мы и так не собирались, — отозвался из грузового отсека Сева.

— Теперь особенно.

У штурманского места щёлкнули крепления. Ника положила ладонь поверх шарика управления, но не двигала его. «Ласточка» шла своим ходом, везла наружные рамы для трёх теплиц и запасные приводы подъёмника на исследовательский узел. Её двигатель годился для этой работы, а не для бегства от вещей, которые появлялись посреди пустого пространства. Если сейчас рвануть в сторону, они лишь потратят время и рабочую среду на неизвестный результат.

Третий корабль возник почти одновременно с четвёртым. Датчики наконец дали расстояния и скорости; две строки остались жёлтыми, поскольку оборудование не могло согласовать положение длинных корпусов с тем, как на них отражался посланный сигнал.

— Они тормозят? — спросила Ника.

Ким подтянулся к своему креслу, закрепил ноги.

— Относительно нас — да. Только я не понимаю чем.

Вместо ответа Ника вывела на отдельный экран приближение самого большого корпуса. На белой стороне тянулся чёрный рубец. Он пересекал несколько наружных рёбер и исчезал под плоской надстройкой. Ничего похожего на работающую земную двигательную установку видно не было.

— Не обязаны понимать сейчас. Мне нужна сходимость замеров.

— Будет, когда они перестанут мешать друг другу.

Он говорил сердито. Ника обрадовалась этому знакомому голосу: Ким раздражался на множество вещей, от плохой резьбы до дурного перевода, и неизвестное вторжение пока поместилось в тот же ряд. Она посмотрела на его руки. Они не дрожали, но правую он слишком сильно вдавил в край стола.

В общий канал пришёл звук, похожий на вздох человека, который начал говорить и передумал. Потом женский голос произнёс по-русски:

— Земной корабль, обозначающий себя «Ласточка». Оставайтесь на принятой линии движения. Вы не являетесь целью. Мы не будем применять к вам силу.

Сева, пристёгивавшийся у запасного места, сказал неприличное слово. Голос не прервался.

— Просим принять обращение и доставить его уполномоченным руководителям вашего мира. Повторяем: вы не являетесь целью.

Ника увидела, как Ким поворачивается к ней, и подняла указательный палец. Ей требовалась секунда, в которой никто ничего не спросит.

Чужие знали название корабля. Оно было в открытом сигнале опознавания. Знали русский. Это могло означать очень многое, однако не означало, что они научились языку, пока появлялись перед её камерами.

Она включила ответ.

— Это командир «Ласточки» Вероника Ардатова. Ваше сообщение записывается. Вы находитесь рядом с действующим грузовым коридором. Назовите ваши намерения и сообщите, собираетесь ли менять движение.

Ника отпустила клавишу. До ближайшего чужого корабля сигналу требовалось меньше секунды. Она ждала, не пытаясь угадать, как долго будет думать тот, кто находится внутри.

На белой стороне открылась тёмная полоса. Камера увеличила её, и Ника различила маленькие круглые отсеки, расположенные один над другим. Некоторые светились мягким янтарным светом. Один был чёрным, с неровной серебристой кромкой; соседний светился слишком ярко.

— Намерения изложены в обращении, — сказал голос. — Порядок движения будет передан вам в числах. Наши корабли прекращают активное наведение. Просим не приближаться к повреждённым частям.

У Ники на экране появился пакет данных. Ким поставил его в изолированное окно: посмотреть числа можно было, исполнять неизвестные команды корабль не собирался.

— Они хотят передать нам весь список, — сказал он. — Объектов... погоди.

Он перестал считать вслух.

Далеко слева, там, где ещё недавно находился пустой край обзора, собралась россыпь огней. Несколько были ярче остальных. Новые корпуса не заслоняли звёзды разом: они проступали в разных направлениях, и приборы показывали, что самые дальние отделены от «Ласточки» значительным расстоянием. Ника начала понимать, что видит не прибытие нескольких кораблей. Она оказалась внутри события, границы которого ещё не успел показать свет.

— Сколько ты видишь сам? — спросила она.

— Надёжно — восемьдесят шесть. Остальное разделяю. В списке больше тысячи.

Сева медленно повернул голову к обзорному стеклу.

— У нас рамы оплачены, — сказал он.

Ника не сразу поняла, о чём он. Потом рассмеялась один раз, резко, и тут же остановилась. Ей стало легче дышать.

— Доставим, если склад не закроется.

* * *

Пока пакет с обращением проходил через изолированный приёмник, «Ласточка» продолжала сближаться с ближней группой. Ника сверила расчёт: на принятом движении они проходили достаточно далеко от целых корпусов, но возле одного повреждённого перевозчика расходилось облако обломков. В переданных числах облака не было.

Она указала Киму на участок.

— Подтверждается?

— Да. Мелкое плохо видно, но крупное идёт поперёк.

Ника вызвала чужих.

— На вашей линии есть отделившиеся предметы. Мы изменяем движение. Передаю наш расчёт. Не следуйте за нами.

— Просим сохранять прежнюю линию, — ответил голос почти сразу.

— На прежней линии опасно. Посмотрите приложенное изображение.

Она направила пакет и уже готовила манёвр. До встречи с обломками оставалось несколько минут. Сева проверил крепления груза. Ким подтвердил давление в подаче. «Ласточка» повернулась, и большие белые корабли поползли к краю стекла.

— Земной корабль, мы не преследуем вас, — произнёс другой голос, ниже прежнего. — Повреждённый объект не подчиняется полностью. Обращение остаётся в силе.

— Я слышала. Мы уходим от обломков, а не от обращения.

На несколько мгновений ей показалось смешным, что сейчас это необходимо объяснять. Огромному флоту приходилось сообщать, почему маленький грузовой корабль не хочет лететь в мусор.

Импульс вдавил её в кресло. Упаковка, не успевшая попасть в сетку, легла у порога. Двигатель работал привычным дрожащим звуком, и Ника смотрела на знакомые значения с почти нежной внимательностью. Они менялись как положено. Здесь пока действовало то, чему она училась.

После завершения манёвра пришёл первый отклик местного ретранслятора: её аварийный пакет принят и направлен дальше. На Земле ещё не увидели даже начало. Между тем на экране открылась запись.

Существо сидело перед светлой стеной. Ника не знала, сидело ли оно на стуле или тело удерживала какая-то опора; ниже груди кадр заканчивался. Узкое лицо было пересечено костяными пластинами, которые шли от скул к нижней части головы. Кожа между ними имела тёмный медный оттенок. Когда существо повернулось, на шее сложились две мягкие складки. Руки лежали на столе. На каждой Ника насчитала по четыре пальца.

Поверхность стола была исцарапана. Одна из царапин проходила прямо под ладонью, и на ней скопилось светлое вещество, похожее на пыль. Почему-то эта мелочь убедила Нику сильнее, чем весь флот за стеклом. Перед ней не предъявляли безупречный образ. Кто-то сел за повреждённый стол, чтобы сказать необходимое.

Существо заговорило. Прежде перевода слышались короткие грудные звуки; рот раскрывался мало, а пластины возле щёк слегка расходились. Затем знакомый низкий голос произнёс:

— Я Ор-Шев, командующий оставшимися кораблями империи. Я говорю перед лицом людей Земли и перед теми из моего народа, кто ещё признаёт мой приказ. Мы признаём своё поражение. Мы просим Землю принять нашу капитуляцию.

Ким убрал руку со стола.

Ор-Шев продолжал. Руки его оставались на виду.

— Мы передаём принимающей стороне военные корабли, их вооружение, находящиеся при них запасы и право распоряжения тем имуществом империи, которым ещё владеем. Мы просим сохранить жизнь сложившим оружие и защитить тех, кто находится при флоте и не участвовал в войне. Мы готовы допустить ваших представителей на корабли для установления действительного положения.

— Останови, — сказал Ким.

Ника посмотрела на него.

— Запись идёт. Зачем?

— Я хочу... ещё раз. Первую часть.

Она перемотала на несколько секунд. Существо снова произнесло звуки, затем перевод повторил слова о поражении и капитуляции. Сева высвободил одну руку из ремня и потёр лоб.

— Перед кем они проиграли?

Ника не ответила. В записи начиналось следующее предложение.

— Обращение не означает, что всем кораблям доступны одинаковые действия. Часть из них лишилась хода, часть — средств связи, часть несёт раненых. Вы получите список состояний вместе с полномочиями командиров, которые подтвердили готовность исполнить условия передачи. До прибытия ваших представителей управление жизнью и движением остаётся на наших экипажах. Мы просим скорого ответа.

Ор-Шев поднял правую руку. На столе под ней осталась неровная тёмная полоса. Ника только теперь разглядела, что рука была повреждена: между двумя пальцами проходила свежая повязка. Он переложил ладонь к краю стола.

Запись закончилась.

В рубке стояла тишина. Сева смотрел на пустой светлый прямоугольник, Ким — на Нику. Она чувствовала, как под воротником липнет к шее мокрая ткань. Хотелось вынуть из крепления бутылку и выпить, но для этого пришлось бы заняться маленьким обычным движением, а она пока не могла.

— Передай целиком, — сказала она Киму. — Нашу запись тоже. Без заголовка про победу.

— Я и не собирался.

— Знаю. Сказала вслух.

Она проверила время. До первого возможного ответа Земли оставалось семь минут. За эти семь минут они могли стать победителями войны, которой никогда не начинали. Могли оказаться первыми пленными. Могли просто продолжать сидеть в маленькой рубке с рамами для теплиц за спиной.

Ника выбрала последнее, потому что это пока было единственным установленным обстоятельством.

* * *

Чужой голос вызвал их снова, когда Ким подтверждал отправку.

— Командир Ардатова. Мы видим ваше изменение движения. Угроза миновала. Позволите передать на ваш корабль представителя?

Ника посмотрела на белый корпус, оставшийся в стороне.

— Нет.

Сева закрыл глаза. Она не поняла, от облегчения или страха.

— Причина отказа? — спросил голос.

— На нашем корабле не подготовлено место для неизвестного организма. Мы не знаем вашу среду, вы не знаете нашу. И у меня нет полномочий принимать капитуляцию от имени Земли.

Пауза на этот раз длилась дольше. Ника успела всё-таки достать бутылку. Вода была тёплая, с привычным слабым привкусом стенки; она сделала два глотка и закрепила бутылку обратно.

— Представитель может оставаться в отдельной оболочке, — сказали чужие.

— Тогда он может оставаться в ней на своём корабле. Мы продолжим говорить по связи.

— Вы не доверяете нам.

— Я впервые вас вижу.

Ника услышала рядом короткий смешок. Ким отвернулся к экрану, притворившись, что проверяет передачу. Голос не ответил сразу. Она представила, как где-то в белом корабле переводят её простое предложение и решают, была ли в нём грубость.

— Мы принимаем это объяснение, — сказали наконец. — Просим вас не уходить за пределы прямой связи до ответа вашей стороны.

— Пока не планирую. Если придётся, предупрежу.

Она отключила передачу и посмотрела на Кима.

— Что?

— Ничего.

— Ты смеялся.

— Вспомнил, как ты непустила инспектора без сменного крепления.

— Инспектор был пьяный.

— Поэтому и вспомнил.

Ника улыбнулась.

Сева спросил, можно ли отстегнуться и посмотреть груз. Разрешение он получил с условием оставаться в связи. Когда он ушёл, Ника открыла список чужих кораблей. Названия переводились плохо; некоторые оставались рядами знаков, другие превращались в целые предложения. Среди них было «Четыре восхода». Рядом стояли обозначение командующего и количество людей — так программа передала существительное, которого ещё не умела различать по видам.

Ника убрала столбец с количеством. Пока ей нужны были расстояния, размеры и движение.

На дальнем перевозчике погасло одно янтарное окно. Через некоторое время загорелось снова, тусклее прежнего. Она приблизила изображение. Вокруг окна ничего не двигалось; корабль медленно поворачивался белой стороной к Солнцу.

Первый ответ Земли пришёл коротким служебным пакетом. В нём подтверждали приём её аварийного сообщения, просили все наблюдения и запрещали самостоятельно сближаться. Обращение Ор-Шева там ещё не успели получить.

Ника подтвердила. Потом посмотрела на время отправки нового сообщения и поняла, что люди, написавшие запрет, несколько минут живут в мире, где человечеству ещё никто не сдался.

Она откинулась в кресле. За стеклом в разных направлениях неподвижно висели белые корабли; некоторые были такими маленькими, что их можно было принять за обычные точки на размеченном экране. На ближайшем открылась узкая створка, и наружу вышел крошечный огонь. Он перемещался вдоль шрама в корпусе.

— Кто-то работает, — сказала Ника.

Ким поднял голову.

— Где?

Она показала. Они некоторое время следили за огнём вместе. Чужой работник дошёл до тёмного места, остановился, потом медленно вернулся тем же путём.

Сева вызвал их из грузового отсека.

— Рамы держатся. Подъёмник тоже. Здесь всё в порядке.

— Приняла, — ответила Ника.

Она открыла запись Ор-Шева и остановила её на кадре с рукой. Под повреждёнными пальцами на столе оставалась полоса. У победителя, которого она привыкла воображать с детства, так обычно не выглядело место для подписи. Но этот чужой говорил, что победитель — она.

Ника выключила запись и вернулась к расстояниям.

Глава 2. Сторона победителя

Когда Марат увидел чужое лицо, он уже два часа спорил о том, кто должен первым его увидеть.

В московском зале, предоставленном для срочного заседания, не хватало переводных устройств. Несколько участников подключались из разных частей Земли, ещё двое — с околоземных станций. На столе стояли три чашки с одинаковыми следами помады: кто-то из помощниц последовательно приносил чай и забирал не тот. Марат заметил это, пока представитель промышленного союза объяснял, почему транспортные компании должны участвовать в решениях о транспортных средствах независимо от того, откуда те прибыли.

— Если бы к нам пришла вода, — сказал Марат, — вы бы предложили пригласить водопроводчиков?

Представитель не улыбнулся.

— Если бы вода могла уничтожить все ваши станции, я бы пригласил тех, кто умеет с ней работать.

Марат кивнул. Ответ был лучше его шуток. Он записал имя человека: Павел Домбровский. Прежде они не встречались, и Марат решил больше не пробовать с ним лёгкий тон без необходимости.

На стене появилась женщина, ведшая местную связь с «Ласточкой». Она сказала, что получен полный пакет, включая перевод обращения. Председательствующая попросила прекратить обсуждение состава. Это оказалось возможно лишь после третьего повторения.

Ор-Шев говорил с белой стены. Марат смотрел сначала на лицо, затем на руки. Повязка. Царапины на столе. Никаких знаков, которые он мог бы уверенно назвать рангом. Перевод сообщал о передаче кораблей и просьбе сохранить жизнь. В зале перестали двигаться даже те, кто до этого продолжал переписку.

После записи никто не заговорил первым. Марат представил, как выглядела бы эта тишина со стороны: группа людей в удобных креслах, получившая всё, о чём ещё вчера не решалась говорить всерьёз. Он поймал себя на том, что думает о месте этого дня в будущих книгах. И сразу же — о собственном месте за столом.

Домбровский — Марат уточнил ударение по надписи в служебном профиле — спросил:

— Мы знаем, почему они выбрали это слово?

— Какое? — сказала председательствующая.

— Капитуляция.

Впервые за утро Марат захотел, чтобы промышленник остался.

— Нет, — ответил он. — Мы знаем, какое слово нам предложили. Это не одно и то же.

Руководитель военной группы, генерал Селивёрстов, наклонился к микрофону.

— Довольно ясно выражено: передать вооружение, допустить осмотр, сохранить жизнь. Если это ошибка перевода, она очень старательная.

— С этим согласен. Неясно, что они считают передачей. На Земле можно получить ключ, а владельцем не стать. Здесь к тому же неизвестно, есть ли у нас руки для их ключей.

На этот раз несколько человек улыбнулись. Марат попросил остановить запись на фразе про командиров, подтвердивших готовность.

— Он не сказал, что ему подчиняются все. Это первое, что нужно выяснить до нашего ответа. Второе — перед кем они проиграли. Третье — где сейчас те, кто их победил.

Селивёрстов посмотрел на него с выражением, которое Марат знал по другим залам. Военные часто раздражались, когда человек без формы формулировал очевидное так, будто только что его обнаружил. Марат показал раскрытую ладонь.

— Я не предлагаю нового. Хочу, чтобы эти три вопроса ушли вместе, а не после благодарности за подарок.

Председательствующая сняла очки. Амине Хаддад было за шестьдесят; до нынешнего утра она занималась трудным соглашением между земными перевозчиками и двумя орбитальными производствами. У неё не было должности «голос человечества». Марат видел, что она думает об этом всякий раз, когда кто-нибудь обращается к ней как к человеку, способному принять решение за весь вид.

— Подготовьте ответ, — сказала она. — Приём подтверждаем. Обещаний о передаче собственности и военной защите нет. Просим сведения и предлагаем контактную группу. Состав согласуем здесь, пока идёт сообщение.

Марат придвинул к себе экран. Потом остановился.

— Жизнь сложивших оружие?

— Мы не собираемся их убивать, — сказал Селивёрстов.

— Это можно написать.

Амина посмотрела на генерала, затем на Марата.

— Можно. Словами о нашем намерении, не о результате, который мы не контролируем.

Он начал печатать. В первом предложении получилось «от имени Земли». Марат стёр его и написал «участники срочного совещания». Это выглядело ничтожно рядом с тысячей кораблей. Он попробовал «временная контактная комиссия» и оставил, хотя комиссия ещё не была создана. Через пять минут люди за столом приняли это название и таким образом догнали написанное.

* * *

Его сестра позвонила, когда он вышел в коридор за водой.

— Это правда? — спросила Рания.

Марат прислонился к холодной стене. За стеклом служебного помещения молодой человек клеил бумажную табличку поверх вчерашней; новая всё время съезжала, и он сердито прижимал её ладонью.

— Что именно у тебя уже правда?

— Что они предложили нам свои корабли. И что ты там.

— Первое — да. Второе — я в коридоре.

— Очень содержательно.

Она звонила из Астрахани. На заднем плане слышался стук посуды; по времени Рания должна была готовить поздний обед для внука, которого забирала из мастерской у его матери. У них была обычная семейная договорённость на эту неделю. Марат подумал, что тысячи людей сейчас узнают о пришельцах, не прерывая привычных дел, потому что ребёнка всё равно надо кормить.

— Ты собираешься лететь? — спросила она.

— Пока не знаю.

— Но хочешь.

— Да.

Рания помолчала. Потом сказала:

— Тогда не рассказывай мне позже, что тебя заставили.

Он улыбнулся.

— Я ещё не сказал, что опасно.

— Ты мне и про обычный отпуск говорил: «Понадобилось». Как будто кто-то без тебя не мог неделю смотреть на море.

— Я действительно соскучился по морю.

— Вот. Уже лучше.

Марат набрал воду из аппарата. Стакан был тонкий, слишком горячий после мойки; он переложил его в другую руку.

— Ты боишься? — спросила Рания.

— Сейчас больше хочу посмотреть.

— Значит, позже испугаешься. Позвони тогда тоже, а не только когда будешь уверенный.

Она позвала кого-то в комнате, попросила не ставить нож лезвием вверх. Вернулась к разговору.

— У меня завтра поездка к врачу с Анваром. Если не отвечу, не придумывай. Потом перезвоню.

— Что с ним?

— То же, что в прошлом месяце. Ты не слушал, когда я рассказывала.

Марат закрыл глаза. Она была права. Он помнил просьбу прислать документ, собственный вопрос про билеты, но не причину осмотра.

— Расскажи ещё раз.

— Сейчас тебе некогда. Вечером. И не надо отменять конец света ради моего расписания.

— Они пока никого не кончают.

— Хорошие люди. Пусть подождут до среды.

Рания отключилась. Марат несколько секунд смотрел на её имя, затем записал напоминание о вечернем звонке.

У двери зала его остановил Селивёрстов.

— Вы были в деле «Три берега»?

— Был.

— Там, где перевозчики отозвали людей после вашего соглашения?

Марат почувствовал, как меняется его лицо. Он не хотел защищаться, но тело успело раньше.

— После соглашения о прекращении блокады. Условия возвращения работников обсуждались отдельно.

— Я знаю. Читал. Вы дали им выступить вместе до того, как они согласовали, что каждый обещает своим.

— Да.

Генерал посмотрел на стакан в его руке.

— Вы хороший переговорщик, Саянов. Именно поэтому прошу: не устройте нам красивое общее выступление раньше времени.

Марат кивнул. Ему хотелось объяснить, сколько людей тогда благодаря общему выступлению согласились хотя бы сесть за стол. Он не стал. За дверью уже спорили о том, кто будет владеть будущими патентами.

* * *

Первый ответ Ор-Шева пришёл вечером. Он не мог прийти быстро, и всё же люди в зале раздражались всякий раз, когда на стене оставалась прежняя отметка отправки. За это время состав комиссии поменялся дважды. На одном из подключений приняли решение, которое затем пришлось отменить, потому что представитель не успел получить подтверждение своих полномочий. Марат почувствовал неожиданный прилив уважения к Нике Ардатовой: она хотя бы сразу сказала, что не уполномочена.

Её запись уже показывали всем. В сетевых лентах из неё вырезали реплику «Я впервые вас вижу» и сопровождали разными подписями. На одной картинке Ардатова отказывалась пускать в подъезд человека с имперским флагом, на другой — придирчиво смотрела на

неверно заполненную декларацию о захвате мира. Марат рассмеялся и переслал вторую Рании, а затем подумал, что командира, вероятно, ещё никто не спросил, нравится ли ей становиться всеобщей шуткой.

Ор-Шев сообщил имя своего народа — ирды. Слово «империя» было выбранным земным соответствием устройства, в котором многие миры подчинялись верховному правителю и его военным наместникам. Правитель погиб. Столичная система потеряна. Отступающий флот насчитывал тысячу триста сорок девять отдельных судов, из них двести восемнадцать отнормировались к военным; остальные перевозили жителей, припасы, оборудование и повреждённые корабельные части. Не все военные сохраняли возможность боя, не все гражданские могли двигаться самостоятельно.

Марат попросил вывести числа отдельно. В его голове тысяча кораблей всё ещё оставалась множеством красивых белых корпусов. Слова «жители» и «повреждённые части» меняли изображение: рядом с военными могли находиться вещи, годные лишь держать воздух вокруг тех, кто оказался внутри.

О противнике Ор-Шев говорил меньше. Несколько прежде подчинённых миров соединили силы, получили помощь внешних государств и разгромили имперские соединения. Он называл их «союзом отнявших берега»; переводчик предложил две другие формы, после чего оставил буквальную. Преследователи потеряли точный след флота при последнем переходе, но могли продолжить поиск.

— Как долго? — спросила Амина, хотя смотрела запись.

Ор-Шев на стене молчал. У Марата появилось странное ощущение, что чужой специально оставил эту паузу для вопроса, который не мог услышать.

Дальше запись показывала способ безопасного допуска группы на флагман. Ирды предлагали наружный жилой модуль с отдельной средой, двустороннюю проверку герметичности и доставку людей собственным малым кораблём. Подготовка требовала времени. Земля могла отправить группу обычным способом, а затем перейти на чужое судно возле согласованной точки; до этого никто из ирдов не войдёт в человеческие помещения без отдельного разрешения.

В конце Ор-Шев произнёс:

— Вы спрашивали, почему мы обратились к вам. Потому что с вами ещё не воевали. Потому что вы способны содержать то, что мы больше не можем содержать одни. И потому что ваш мир не обязан продолжать нашу войну. Мы хотим, чтобы последнее стало правдой.

Запись закончилась. Несколько секунд Марат слышал только тихий гул охлаждения стенового оборудования.

— Красиво, — сказал Домбровский.

— Вы тоже это слышали? — спросил Марат.

— Я услышал, что нам предлагают принять содержание флота. Ему нужны заводы. Вода. Материалы. Люди. Если на каждом из этих судов хотя бы тысяча пассажиров...

— Число жителей запросили, — перебила Амина.

— Хорошо. Но оно не исчезнет оттого, что мы не получили ответ.

Марат смотрел на последнюю строку перевода. «Мы хотим, чтобы последнее стало правдой». Ор-Шев не обещал, что война не придёт. Он предлагал другим людям помочь сделать так, чтобы она не пришла. Это была существенная разница, и Марату нравилось, что он её заметил. Ему нравилось также, что вскоре сможет объяснить её всем остальным.

* * *

В контактную группу его включили ночью. Назначение не сопровождалось торжеством. Амина попросила остаться после заседания, подождала, пока отключатся дальние участники, и передвинула к нему проект полномочий.

— Вы можете договариваться о допуске, осмотре, обмене сведениями и временных мерах безопасности. Любое обязательство по войне, территории или собственности возвращается сюда. Ни одного исключения по красивым обстоятельствам.

— Я понял.

— Вы всегда понимаете. Мне нужно, чтобы вы выполняли.

Марат прочёл документ. На экране оставались пустыми два поля, потому что состав земных участников ещё уточнялся. Он подумал о тысяче трёхстах сорока девяти кораблях, ожидающих, пока люди допишут фамилии.

— Кто полетит с нами?

— Безопасность, медицина, связь, несколько технических специалистов. Селивёрстов предложил вас руководителем разговора, но не всей экспедиции. Командир полёта отвечает за физические решения.

— Он предложил меня?

Амина подняла глаза.

— Это вас удивляет?

— После нашего разговора — немного.

— Он считает, что вы способны услышать неприятный ответ. Постарайтесь не разочаровать.

Марат перечитал последний абзац. Предстояло подписать согласие с риском, который ещё невозможно описать. Он раньше составлял такие документы другим людям и всегда старался, чтобы слова оставались понятными. Сейчас понятность не помогала.

— Я хотел бы поговорить с Ардатовой, — сказал он. — Не через вырезки.

— Отправьте ей вопросы. Прямой разговор будет позже.

Он кивнул и поставил подпись. Амина не поздравила. Попросила выспаться перед медицинским осмотром.

Домой Марат добрался после полуночи. Снял обувь в прихожей, прошёл на кухню и долго стоял у открытого холодильника. Есть хотелось, выбирать еду — нет. Он взял хлеб, сыр и яблоко, положил всё на тарелку. Раня ещё не спала. Её вечернее сообщение содержало снимок Анвара, сидящего с внуком над разобранной моделью парохода, и короткое объяснение предстоящего осмотра.

Марат позвонил.

— Можно? — спросил он.

— Сейчас? Можно. Я как раз думала, забыл или нет.

Он рассказал, что полетит. Потом попросил объяснить, какой врач назначен Анвару. Раня некоторое время молчала, и он слышал, как она устраивается удобнее, переставляет телефон.

— Ты поел?

— Ем.

— Тогда жуй. Я расскажу.

Марат откусил яблоко. Пока сестра говорила, он смотрел на ночное окно. За ним оставались обычные жилые окна, редкие огни транспорта и отражение его собственной кухни. Ни одного белого корабля видно не было. Только знание о них делало стекло другим.

После разговора он записал Ардатовой короткое сообщение. Назвал себя, объяснил назначение и попросил рассказать, что не попало в официальный отчёт. Уже перед отправкой добавил вопрос: «Вы хотите участвовать в следующей встрече?»

Ответ придёт, когда он будет спать или пытаться спать. Марат оставил телефон рядом с кроватью, потом убрал подальше: от его близости сигнал не становился быстрее.

Он лёг и впервые за день представил не будущую историю человечества, а себя внутри чужого корабля. Узкий проход. Неизвестный запах. Дверь, которая закрывается способом, ещё не понятным его телу. Где-то за ней ждёт человек, которого нельзя называть человеком без уточнения, и просит принять власть над тем, что сам уже не способен удержать.

Марат перевернулся на бок. Он всё ещё хотел полететь. Страх не заменил этого желания, только занял рядом своё место.

Глава 3. Тёплый камень

Эштар узнал о капитуляции от сына. Орит вошёл в комнату, не сняв дорожных накладок, и спросил, будут ли победители забирать маленьких отдельно.

Вопрос прозвучал так буднично, что Эштар сначала ответил о накладках. На их подошвах оставалась пыль внешнего перехода; ребёнок уже оставил два серых следа возле спального углубления. Потом Эштар поднял голову.

— Кто тебе сказал?

— Все слушают. У дальней стены. Ты не слышал?

Он не слышал. Последний час Эштар провёл внутри распределительного отсека, споря с человеком, который хотел получить две порции, потому что его напарник спал и сам прийти не мог. Напарник действительно спал. Это делало спор хуже: Эштар знал обоих, знал, как трудно разбудить измученного работника, и всё-таки не мог дать вторую порцию без отметки. На прошлой стоянке он уже разрешил передавать пищу через соседей, после чего девятнадцать человек получили её дважды, а четверо остались без еды. Теперь он старался не смотреть на тех четверых дольше необходимого.

— Никто не заберёт тебя отдельно, — сказал он сыну.

Орит кивнул. Эштар понял, что только что дал обещание, не зная даже, кто такие победители.

Он помог ребёнку снять накладки. Левая застёжка заедала; вместо того чтобы исправить её, Эштар уже три раза затягивал край дополнительной нитью. Орит терпеливо поднимал ногу, привыкнув к отцовской неловкости. Его мать справлялась с такими вещами одним движением. Эштар помнил её руки лучше, чем последние слова, и злился на себя за это неравенство памяти.

— Останься у Тейры, — сказал он. — Я посмотрю, что передали.

— Она тоже слушает.

— Тогда рядом со мной.

Они вышли в общий проход. «Тёплый камень» не был настоящим пассажирским кораблём. Когда-то он перевозил собранные жилые оболочки, а потом кто-то решил, что оболочки можно заполнить людьми, не дожидаясь разгрузки. Временные переходы соединили их в длинную цепь комнат. Воздух двигался по старым трубам с новым шумом, температура в разных частях не совпадала, и Эштар по запаху мог определить, в каком ответвлении находится. Возле своей комнаты он чувствовал сухую пыль и кислый след пищевого раствора. У дальней стены пахло тёплой тканью: там сушили всё, чему удалось намокнуть.

Люди стояли перед экраном. Кто-то держал ребёнка на руках, кто-то устроился на свернутом покрытии. Капитан Вел-Рат не разрешил включить обращение во всех отсеках, объяснив, что каналы заняты необходимыми сообщениями. Однако один экран остался открыт, и этого хватило, чтобы возле него собралась почти вся свободная смена.

Ор-Шев говорил от имени империи. Эштар видел его раньше, издавека, на параде принятого флота, когда война ещё называлась восстановлением порядка. Тогда командующий стоял высоко над толпой, и ветер развеивал длинную светлую ткань за его плечами. Сейчас ткани не было. Рука лежала на столе в повязке.

Орит прижался к отцовскому боку.

— Он ранен.

— Вижу.

— А у него есть кто-нибудь, чтобы помогать с застёжкой?

Эштар опустил руку на голову сына, коснулся мягкого места между ещё невысокими пластинами. Вокруг кто-то засмеялся.

После обращения на экране появился краткий перевод для экипажей. Люди Земли получили сообщение. Ответа ещё нет. Переход завершён в удалённой от их главного мира области. Запрещено самостоятельно открывать новые ходы и сближаться с местными судами. Корабли, подтверждающие передачу, должны сообщить о своей готовности и удерживать наружные вооружения в безопасном положении.

— У нас нет наружного вооружения, — сказал стоявший рядом сборщик.

— Значит, эта часть нам легко даётся, — ответила Тейра.

Она стояла у стены, придерживая сумку с перевязочным материалом. Эштар предложил Ориту постоять с ней, но сын не отпустил его одежду.

— Маленьких отдельно не заберут, — сказал мальчик Тейре. — Отец сказал.

Она посмотрела на Эштар. В её взгляде не было упрёка; от этого ему стало хуже.

— Хорошо, — произнесла она. — Значит, будем держаться вместе.

Эштар увидел, как несколько взрослых поворачиваются к ним. Его слова уже перестали принадлежать только сыну.

* * *

Капитан принял его не сразу. В переднем отсеке двое работников меняли повреждённое покрытие на стене. Под снятой белой пластиной виднелись тёмные трубки; одна дрожала при каждом ударе за дверью. Эштар прислонился к целой части и ждал, стараясь не мешать.

Вел-Рат вышел из внутренней комнаты с небольшим свёртком. Увидев Эштар, спрятал его под руку, хотя в этом не было необходимости. Эштар знал свёрток: капитан хранил в нём три тонкие чаши из дома, которого больше не существовало. На корабле не находилось места для вещей многих людей, но эти чаши ехали отдельным грузом.

— Ты не по пищевым запасам, — сказал Вел-Рат.

— По ним тоже. Мы подали подтверждение?

— Какое?

Эштар посмотрел на капитана. Тот выдержал его взгляд.

— О передаче.

— Я запросил уточнения.

— Значит, не подали.

Вел-Рат положил свёрток в нишу и повернулся к нему всем телом.

— Не тебе отвечать за корабль.

— За людей на нём — мне.

— Ты отвечаешь за их размещение. Не путай должность с тем, чего тебе хочется.

Эштар почувствовал знакомое желание отступить, смягчить вопрос и получить хотя бы часть необходимого. Так он работал всю жизнь. Если капитан не даёт общего разрешения, можно добиться временного. Если отказывает во втором отсеке, попросить угол в первом. Если не возвращает человека, хотя бы узнать, куда его перевели. Способ часто помогал. Именно поэтому Эштару трудно было заметить, сколько раз он оставлял всё главное нетронутым.

— Что вы хотите уточнить? — спросил он.

Вел-Рат показал сообщение. Командование запрашивало список специалистов, способных обслуживать двигатели, средства связи и внешние установки. Людей предлагали временно переместить на военные корабли, где для них подготовлены лучшие условия и дополнительная пища. Семьи можно было указать отдельной строкой, без обещания совместного размещения.

Эштар прочёл перечень дважды. В нижней части стояла его фамильная отметка. Он был не инженером, но имел опыт распределения запасов и действующие права работы с несколькими типами жилых оболочек.

— Вы уже меня включили?

— Я предложил. Это хорошая возможность. Возьмёшь сына. Я добился отдельного подтверждения.

— А остальные?

— Остальные будут здесь. Не делай вид, будто твоё отсутствие разрушит корабль.

Эштар посмотрел на свёрток в нише. Если он уедет с Оритом, у сына будет тёплая комната, постоянное питание и возможность лечить кожу, которая снова начала трескаться у локтя. Возможно, отдельное место для сна. Возможно, кто-то покажет мальчику двигатель вместо картинок, которые тот выучил наизусть.

Он не хотел спрашивать дальше. Всё необходимое для согласия уже было перед ним.

— Мы передаём корабль Земле или остаёмся при флоте? — сказал он.

— Пока остаёмся живыми. Попробуй оценить это достижение.

Вел-Рат взял свой свёрток. За дверью снова ударили по креплению, и дрожавшая трубка замерла.

— Дай ответ до смены. И не рассказывай в проходе то, чего ещё не знаешь. Людям нужна уверенность.

Эштар вышел. У стены работник осторожно протягивал новую пластину; напарник принимал её обеими руками, оставив крепёж во рту. Они посмотрели на него, как обычно смотрели после разговоров с капитаном: ожидая хоть маленькой хорошей новости.

— Обращение передали, — сказал Эштар. — Ответа Земли ещё нет.

Он прошёл мимо. За спиной снова застучало.

* * *

Тейра нашла его возле пищевого отсека. Эштар сидел на пустом контейнере и чинил накладку сына. Нить не хотела проходить в старое отверстие. Он подрезал конец, попробовал снова, снова промахнулся.

— Дай, — сказала Тейра.

— Я сам.

Она села рядом. Некоторое время смотрела, как он работает. Потом достала из сумки тонкую изогнутую иглу и положила на контейнер между ними.

— Это не помощь. Это предмет.

Эштар усмехнулся. Взял иглу, продел нить. Дело сразу пошло легче, что раздражало его почти так же, как прежде неудача.

— Капитан предлагает перевести нас, — сказал он.

— Куда?

— На один из военных. Для работы. Орита тоже.

Тейра долго не отвечала. Он боялся, что она скажет: бери. Ещё больше — что попросит остаться.

— Сам хочешь? — спросила она.

— Для него там лучше.

— Я спросила про тебя.

Эштар натянул нить слишком сильно. Она врезалась в край застёжки.

— Я хочу один раз лечь и не считать, сколько людей не получили чего-нибудь нужного. Хочу проснуться от своего ребёнка, а не от чужого. Хочу есть столько, сколько положили в чашу, и не думать, кто смотрит на дно.

— Тогда хочешь.

Он поднял глаза.

— А ты?

— Я тоже хочу многое. Но меня не звали.

Эштар опустил накладку. Он мог попросить капитана включить врача. Тейра была полезнее многих, кого уже внесли в перечень. Но её прежняя служба, её вопросы о лекарствах и отказ подписать удобный отчёт делали её человеком, которого не стремились брать туда, где будут заново строить порядок.

— Я поговорю.

— Не надо обещать ещё и мне.

Из прохода прибежал Орит. В руках он держал плоский экран с изображением голубого шара. На краю изображения белели облака; вокруг шла надпись на чужом языке, которую мальчик пытался повторить вслух.

— Там вода снаружи, — сказал он. — Не под покрытием. Смотри.

Эштар посмотрел. Он видел настоящие моря в детстве, до переезда на сухой внутренний мир, и всё же изображение заставило его задержать дыхание. Воды было слишком много. Она лежала открыто, как имущество невероятно богатого хозяина, который не считает нужным прятать его от чужих глаз.

— Откуда взял?

— Показали на стене. Я снял.

Тейра подалась ближе.

— Красивый мир.

— Мы будем там жить? — спросил Орит.

Эштар протянул сыну починенную накладку.

— Пока не знаю.

Мальчик нахмурился. Он уже получил утром одно уверенное обещание и, видимо, ожидал, что следующие будут такими же.

— Но они победили. Значит, у них есть место.

Тейра не стала объяснять ему, почему это не обязательно. Попросила показать изображение ещё раз, и Орит принялся увеличивать белую полосу облаков. Эштар смотрел на его пальцы. Тонкая трещина на локте снова разошлась; утром он собирался попросить мазь и забыл.

— У тебя осталось? — спросил он Тейру, указывая на кожу.

— Немного. Принеси его после еды.

Орит сделал вид, что не услышал. Ему не нравилось сидеть неподвижно, пока мазь подсыхает. Тейра заметила и добавила:

— Будешь держать экран. Мне тоже хочется посмотреть воду.

Мальчик согласился.

* * *

До смены он вернулся к капитану. Вел-Рат уже ждал ответа. Свёрток с чашами стоял возле походной сумки, и Эштар наконец понял, что переводят не только его.

— Вы тоже уходите?

— Мне предлагают командование другим судном. Здесь будет назначен старший.

— Кто?

— Решается.

Эштар посмотрел на экран. На нём был открыт перечень покидающих «Тёплый камень». Наверху — специалисты, ниже — сопровождающие, ещё ниже — личные вещи в пределах допустимого объёма. Он узнал отметку чаш.

— Я останусь, — сказал он.

Капитан откинулся назад.

— Не делай это назло мне.

— Может, и назло. Я остаюсь.

— Ты лишаешь сына лучших условий.

— Да.

Вел-Рат помолчал.

— Тогда примешь размещение целиком, — сказал капитан. — Пока назначат другого старшего. За отказом тоже бывает работа.

— Я и так её делаю. Мне нужен доступ к наружному каналу корабля.

Вел-Рат поднял голову.

— Зачем?

— Подтвердить, что люди здесь остаются. И узнать, какие условия предлагают им, а не только выбранным специалистам.

— Ты не можешь объявить капитуляцию корабля.

— Не могу. Поэтому подпишите вы. До ухода.

Капитан смотрел на него долго. Потом развернул экран и прочёл подготовленное сообщение. Эштар написал его ещё возле пищевого отсека, после ухода Тейры: название судна, число находящихся на борту, известные повреждения и просьба включить их в контактную проверку.

— Ты хорошо умеешь выглядеть безобидным, — сказал Вел-Рат.

Эштар не ответил. Капитан подтвердил отправку.

Когда сообщение ушло, Вел-Рат снова занялся своей сумкой. Эштар вышел в проход и увидел, что один из работников спит на свернутом покрытии, положив голову на снятую пластину. Второй сидит рядом и ест, стараясь не шуметь ложкой.

— Что там? — спросил он шёпотом.

— Нас внесут в проверку, — сказал Эштар. — Я остаюсь старшим до назначения.

Работник посмотрел на него с явным облегчением. Эштар почувствовал крошечную, стыдную радость. Оказывается, он хотел не только избавиться от чужих нужд. Ему хотелось, чтобы люди знали: без него они потеряли бы что-то важное.

— Разбуди его через полсмены, — сказал Эштар. — Я принесу ему еду.

— Ты же говорил, нельзя через другого.

— Я сам принесу и запишу. Не съедай за него.

Работник тихо рассмеялся. Эштар пошёл к своей комнате. У дальней стены ещё показывали голубой мир, и несколько детей сидели перед ним на полу. Орит был среди них. Он увидел отца, помахал рукой, но не встал.

Эштар сел рядом. Долго смотрел на воду, которой хватало, чтобы покрыть целый горизонт, и впервые позволил себе представить, что когда-нибудь они окажутся возле неё без необходимости немедленно уходить.

Сын прислонился к нему плечом.

— Ты будешь со мной, когда придут победители?

— Буду.

Глава 4. Место за стеклом

Ардатова оказалась ниже, чем Марат представлял по записям. Он заметил это с нелепым облегчением, когда она встретила его у перехода между земным доставочным кораблём и «Ласточкой». Почти две недели её лицо существовало для него на экранах, где человек легко приобретал величину того, что говорил. Теперь перед ним стояла женщина с усталыми глазами и царапиной на пальце. Она взяла его сумку, протолкнула в сетку и сказала:

— Держитесь за синие поручни. Серые — для снятых панелей. Они иногда снимаются вместе с человеком.

— Это было в инструкции?

— Да.

Марат посмотрел на свою руку, уже лежавшую на сером. Переложил её. Ника не улыбнулась, но он увидел, что ей хочется.

— Я читал.

— Многие читали. Проходите.

На одиннадцатый день после появления флота группа добралась до его ближнего края. Три дня ушли на подготовку, согласование среды и первые пробы материалов; ещё восемь — на полёт земного корабля. За это время Марат успел привыкнуть к стеснённому помещению и собственному неприятному запаху после сна, однако не привык к мысли, что за окнами находятся вещи, сделанные совершенно другими руками.

«Ласточка» должна была доставить их к наружному модулю флагмана. Рамы для теплиц уже приняли на ближайшем земном складе: их временно перевезли другим судном. Сева остался при грузе, пожелав Нике хороших переговоров и попросив не забыть, что после конца света ему положены два выходных. Вместо рам в освободившемся отсеке разместили оборудование контактной группы. Марату не нравилось, что чужая жизнь так быстро перестраивается вокруг его поездки. Ему нравилось, что поездка всё-таки становится возможной.

Ника показала ему место и проверила крепление, не доверяя уверению, что он справится сам. Затем вернулась в рубку. Он пошёл следом, пока ещё можно было перемещаться.

— Спасибо за ответ, — сказал он.

— За какой? Я вам четыре отправила.

— За первый. Где написали, что хотите.

— Вы спросили. Я ответила.

— А потом написали, что вам не нравится быть символом осторожности.

Ника закрепилась у своего места и повернула к нему голову.

— Потому что символа всегда ставят возле двери, чтобы он никого не пускал. Я вообще то летаю.

Марат улыбнулся.

— Теперь вижу.

— Пока только готовлюсь. Садитесь, Саянов. Ваше кресло сзади.

Он вернулся. Рядом устраивалась Софья Зорина, врач группы. Она подняла глаза от креплений.

— Уже получили замечание?

— Пока профилактическое.

— Тогда запомните. Второе обычно дороже.

Софья говорила легко, но её пальцы дважды вернулись к одной застёжке. Марат заметил и не стал смотреть дальше. За врачом сидел специалист по связи, молчаливый Антон Пахомов, а рядом с ним — сотрудница безопасности Ирина Дёмина. Ещё двое технических участников оставались на доставочном корабле до отдельного допуска. Группа не могла одновре-

менно посмотреть всё, что ей предлагали, и это заранее раздражало людей, привыкших считать нехватку времени чьей-то ошибкой.

На переднем стекле вырос белый корпус. Марат впервые увидел «Четыре восхода» без уменьшения до удобного прямоугольника. Корабль не помещался в поле зрения. Он заслонял звёзды целой неровной стеной, и только медленное движение «Ласточки» показывало, что тёмные линии на ней имеют глубину. В продольном просвете горели редкие огни. На одной из внутренних перемычек работали несколько маленьких фигур.

— Они стоят? — спросил Марат.

Ким повернулся к нему.

— Прикреплены. Там нет вашего пола.

— Я понимаю.

— Тогда зачем спросили?

Марат промолчал, продолжая смотреть на фигуры.

Ким посмотрел на него ещё раз.

— Да, работают. Я тоже первый раз долго смотрел.

Ника сообщила о начале последнего сближения. «Ласточка» подошла к наружному модулю, который ирды подготовили по переданным земным размерам. Марат увидел человеческий знак у входа и почувствовал неприязнь: надпись была слишком правильной. Ему хотелось, чтобы встреча с чужим миром хотя бы в одном месте оставалась непереустроенной.

Через несколько секунд он разглядел букву, у которой перепутали направление короткого штриха, и неожиданно обрадовался.

* * *

Ор-Шев ждал за стеклом. Вживую его кожа оказалась темнее, а повязка на руке — грязнее, чем в первой записи. Встреча начиналась сидя: оба вида ещё не знали достаточно о движениях друг друга, чтобы придумывать церемонию. Между комнатами находились независимые прозрачные стенки с узким промежутком. Марат видел собственное отражение рядом с чужим лицом.

— Вы добрались, — сказал Ор-Шев.

Переводчик заговорил тем же низким голосом, который уже знал весь земной мир. Марату потребовалось усилие, чтобы слушать не знакомую интонацию, а задержку перед ней.

— Добрались. Благодарю за подготовленное помещение.

— Оно вам подходит?

— Для этой встречи — да. Остальное проверяют специалисты.

Ор-Шев наклонил голову. Возле него стояли двое ирдов, один в светлой одежде, второй в тёмной. Марат посмотрел на них и дождался представления. Светлого назвали Тав-Иром, офицером сопровождения. Тёмный ведал связью командования; его имя переводчик передал как Уль-Тен. Марат повторил оба имени. Тав едва заметно поправил второй звук, и человек повторил ещё раз.

— Хорошо, — сказал офицер.

— Теперь ваша очередь, — ответил Марат.

Тав произнёс «Марат Саянов» неожиданно точно. Марат улыбнулся, затем спросил:

— Давно готовились?

Ор-Шев посмотрел на своего офицера.

— Достаточно, чтобы не расходовать ваше время на самые простые ошибки.

— Наше время теперь расходуется на другой вопрос. Как долго вы знаете о нас?

Ника сидела слева от Марата. Он не повернулся к ней, но почувствовал, как она перестала двигать рукой по краю кресла.

Ор-Шев ответил после короткой паузы:

— Первые сведения старше моей нынешней должности. Подробное наблюдение велось в последние годы. Ваши сигналы доступны тому, кто находится достаточно близко и умеет слушать.

— А мы были достаточно близко?

— Нет. Мы пришли ближе.

— Почему не заговорили раньше?

— Раньше не я решал, с кем говорить.

Марат записал ответ. Он был удобным, но не бессодержательным. Ор-Шев признавал подготовку и отделял своё нынешнее решение от прежней власти.

— Нам нужно увидеть, что вы называете передачей кораблей, — сказал Марат. — Прежде любых общих слов.

Ор-Шев слегка развёл ладони.

— Я ожидал этого. Вы увидите управление, оружие, запасы, людей, которые должны всё это обслуживать. Мы можем передать устройство. Не можем передать вам за один день знание каждого человека, работающего внутри.

— Тогда кто будет приказывать этим людям?

— Пока — их командиры. Затем те, чьё право признают экипажи и принимающая сторона.

— То есть право ещё предстоит создать.

— На вашем языке это звучит как отсутствие дара. На моём — как начало доверия.

Марат посмотрел на белую повязку. Ор-Шев заметил взгляд и положил руку удобнее, не пряча её.

— Возможно, у нас пока слишком мало общего для такого большого подарка, — сказал Марат.

— Поэтому я просил принять капитуляцию, а не подарок.

Ника подняла глаза. На этот раз ответ понравился ей так явно, что Марат почувствовал лёгкий укол ревности к чужой точности.

* * *

Им показали наружную площадку наблюдения. Переход к ней проходил целиком внутри подготовленного человеческого модуля; ирды двигались по соседнему коридору, отделённому стеклом. Ника шла медленно, проверяя положение дверей. Марат старался не смотреть на неё всякий раз, когда хотел сделать шаг быстрее.

На площадке стоял стол с тёмным продолговатым предметом под прозрачным кожухом. В его форме не было ничего, что позволяло бы человеку уверенно назвать его оружием. Слишком гладкий, без привычной рукояти, с несколькими узкими отверстиями на одном конце.

— Личное средство поражения, — сообщил Тав. — Разряжено. Передаётся для исследования.

Ирина Дёмина наклонилась к кожуху.

— Кто подтвердил разрядку?

— Я.

— Тогда до нашей проверки это ваше утверждение. Кожух остаётся закрытым.

Тав взглянул на Ор-Шева. Тот ответил:

— Правильно.

Марат подумал, что командующий слишком легко произносит слово, которое его офицеру приходится оплачивать небольшим унижением. Тав не возразил. Отступил, оставив ладонь возле края своего стола; Марат увидел на ней прямоугольный след старого ожога.

За наружным стеклом медленно шёл вдоль флагмана другой корабль. Он был заметно меньше, почти без янтарных жилых модулей. На передней части темнели несколько одинаковых выемок, закрытых белыми пластинами.

Ор-Шев посмотрел на него и замолчал посреди объяснения. Уль-Тен подошёл ближе. Они обменялись несколькими фразами без перевода.

— Пожалуйста, — сказал Марат. — Если это касается нас, мы хотим слышать.

Командующий повернулся.

— Корабль «Ровная ночь» не подтвердил передачу. Его командир считает, что у меня нет права распоряжаться имуществом умершего правителя без решения тех, кто сохранил прежние должности.

— Он собирается применить оружие?

— Не сообщил такого намерения.

— Это не совсем ответ.

— Это весь ответ, который у меня есть сейчас.

Марат почувствовал, как за его спиной Дёмина приблизилась к Нике. Ор-Шев вернулся к связи. На стекле появилось лицо другого ирда: широкое, с повреждённой пластиной над глазом. Он не кланялся и не пытался выглядеть спокойным.

— Ты приводишь чужих смотреть, как мы отдаём то, за что умирали, — сказал он.

Перевод шёл с задержкой, и Марат успевал видеть злость прежде, чем узнавал слова.

— Я привёл тех, у кого прошу защитить оставшихся, — ответил Ор-Шев.

— Они не способны защитить даже собственные грузовые линии.

— А ты способен защитить свой народ ещё одной войной?

Другой ирд наклонился к камере.

— Я способен уйти.

— У тебя недостаточно среды для дальнего хода и возвращения.

— Для возвращения к тебе — не нужно.

Ор-Шев молчал. Марат ждал угрозы, приказа задержать корабль, какого-нибудь жеста, после которого белые корпуса за стеклом займут другие места. Ничего не произошло.

— Назови, кто идёт с тобой, — сказал командующий. — И кто хочет перейти до ухода.

— Ты предлагаешь мне распустить экипаж перед чужими?

— Предлагаю дать людям выбор, пока у тебя ещё есть куда их высадить.

Связь оборвалась. Уль-Тен начал что-то говорить, но Ор-Шев остановил его поднятой ладонью.

Корабль за стеклом продолжал движение. На его боку открылась узкая тёмная щель, и из неё вышел небольшой аппарат. Он отделился, выдержал расстояние, затем направился к одному из гражданских перевозчиков.

— Они уже уходят с него, — сказал Тав.

Ор-Шев посмотрел на Марата.

— Не все. Не так быстро, как хотелось бы. Но уходят.

Марат видел, что ему показывают не только происходящее. Ему показывали желаемое объяснение происходящего. И всё-таки маленький аппарат действительно отделился от корабля, командир которого отказался подчиняться.

Ника спросила:

— Он знает положение Земли?

Командующий ответил не сразу.

— Знает положение вашего главного мира в этой системе. Не имеет приказа приближаться к нему.

— Приказ он только что отверг.

Ор-Шев повернулся к ней всем телом.

— Да. Поэтому я предлагаю передать вам его движение и поддерживать наблюдение нашими средствами. Задержать его силой сейчас означает начать бой среди жилых судов. Вы готовы сказать, что это правильнее?

Ника посмотрела в наружное стекло. Белый корабль медленно уходил от флагмана. Возле него больше не было маленького аппарата; тот уже приближался к янтарным модулям.

— Нет, — сказала она. — Я готова сказать, что это опасно. Не путайте с просьбой немедленно стрелять.

Ор-Шев склонил голову. На этот раз Марат не знал, был ли жест согласием или только способом закончить неудобную часть разговора.

* * *

После осмотра они вернулись к первому столу. Люди получили воду в собственных ёмкостях, ирды — густой светлый напиток. Между комнатами работали приборы, и Марат всё чаще забывал о стекле, пока не замечал рядом с лицом Ор-Шева отражение своей руки.

— Нам нужны списки жителей отдельно от военных экипажей, — сказал он. — Возможность говорить с ними без вашего присутствия. Состояние повреждённых кораблей. И подтверждение, что люди могут отказаться от участия в передаче.

— Вы уже видели отказ.

— Видел отказ командира. Хочу узнать, доступен ли он тем, кто моет его посуду.

Тав поднял голову. Ор-Шев улыбнулся — по крайней мере, Марат решил, что небольшое движение мягкой ткани у рта означает улыбку.

— Это не самая низкая служба у нас, Саянов. К посуде командира допускают не всех.

Марат тоже улыбнулся.

— Хорошо. Тогда начнём с тех, кого не допускают.

Командующий некоторое время смотрел на него, затем дал согласие на посещение трёх гражданских судов, выбранных совместно. Марат попросил выбирать из полного списка, а не из предложенных трёх. После короткого спора они договорились: одно судно назовёт земная группа, одно — ирды, третье определяют по поступившим просьбам жителей. Марат не считал этот порядок идеальным. Он считал его первым, который можно выполнить и потом проверить.

— Взамен я прошу вашей ясности, — сказал Ор-Шев. — Пока идут посещения, люди должны знать, что вы не передадите их преследователям.

Марат посмотрел на Нику. Она ждала его ответа, не помогая взглядом.

— У нас нет намерения передавать без разбора гражданских людей стороне, о которой мы знаем только из ваших слов. Но мы не можем обещать вам безусловную защиту от любого требования. Мы пока даже не слышали другую сторону.

— Другая сторона может прибыть раньше вашего понимания.

— Тогда понимание надо ускорить. Не заменить обещанием.

Ор-Шев поставил чашу на стол. Его повреждённая рука дрогнула, и Тав незаметно придвинул подставку ближе. Командующий не поблагодарил. Марат отметил это и тут же напомнил себе, что не знает их привычек.

— Вы хотите встретить тех, кто нас разбил? — спросил Ор-Шев.

— Хотим установить, что произошло.

— Тогда вам придётся увидеть места, откуда мы ушли. Здесь вы увидите только тех, кому хватило кораблей.

Марат почувствовал, как в нём поднимается то самое желание, с которым он подписывал согласие на полёт. Настоящие чужие миры. Не запись, не схема, не изображение повреждённого корпуса. Он заставил себя задать следующий вопрос прежде, чем ответить на предложение.

— Почему вы хотите нас туда повезти?

— Потому что вы не согласитесь защищать то, чего не видели. И потому что там осталось имущество, которое я предлагаю передать вам. Некоторые мои люди считают это единственным способом сохранить его от победителей.

— Вы понимаете, что они могут оказаться правы в своих требованиях?

Ор-Шев поднял глаза.

— Я понимаю, что они победили. Это не всегда одно и то же.

Впервые Марат услышал в его голосе не искусство разговора, а усталую ненависть. Она исчезла быстро. Командующий снова положил ладони на стол и спросил, сколько времени потребуется Земле для ответа.

Марат назвал только то, что мог назвать: сообщение уйдёт сегодня, решение потребует обсуждения. Ор-Шев принял это без торга.

Когда встреча закончилась, Тав провёл людей к переходу. У наружной двери Марат не сразу понял, как закрепить страховочную петлю. Офицер показал через стекло, затем дождался, пока человек повторит движение. На его ладони снова мелькнул прямоугольный ожог.

— Дома получил, — сказал Тав, заметив взгляд. — Держал падающую нагревательную чашу. В доме иногда опаснее, чем на службе.

— Знакомо, — ответил Марат.

Они улыбнулись друг другу.

На «Ласточке» Ника дождалась закрытия перехода и только потом спросила:

— Ты уже хочешь ехать дальше?

Он удивился обращению на «ты», но решил не делать его предметом разговора.

— Да.

— Я тоже. Давай хоть до утра подумаем.

Марат посмотрел на неё. Она закрепляла ремень, сосредоточившись на простом движении. За её плечом белая сторона чужого корабля медленно уходила из поля зрения.

— Хорошее предложение, — сказал он.

Ника подняла глаза.

— Это ещё не значит, что завтра откажусь.

Он рассмеялся и сел на своё место. Ника вернулась к приборам.

Глава 5. Голоса внутри

В «Тёплом камне» Нике прежде всего не понравился звук. Он шёл не от одного механизма, а от множества небольших неполадок: где-то тянуло воздух сквозь неплотное соединение, за стеной дребезжала панель, в нижнем проходе что-то постукивало с неровным промежутком. Каждый отдельный шум можно было бы терпеть. Все вместе они не давали забыть, что корабль продолжает работать вопреки собственному состоянию.

Скафандр держал привычную температуру, но Нике всё равно казалось жарко. Вид тёплых янтарных стен обманывал тело. Люди вошли через отдельную оболочку, пристыкованную возле грузового отсека; дальше им разрешили пройти в замкнутой защите. Софья повторила перед выходом, что фильтры и отдельная среда нужны обеим сторонам. Один из ирдских работников ответил, что особенно благодарен за уточнение: прежде ему объясняли только опасность для людей.

Эштар встречал их без формы. На груди его одежды был прикреплён короткий ряд меток, которые переводчик обозначил как принадлежность к жилому управлению. За его спиной стояла женщина с медицинской сумкой. Её представили Тейрой. Она внимательно посмотрела на Софью, затем на переносной прибор в её руках.

— Это ваше средство наблюдения за телом?

— Одно из. Для наших тел. Ваши оно пока видит как неизвестные изменения.

— Удобная честность, — сказала Тейра. — Наши часто делают вид, что знают больше.

Софья улыбнулась. Сквозь прозрачную часть шлема улыбка была видна, но Тейра, кажется, ещё не знала, как её понимать. Она ответила небольшим движением плеча, при котором костяная пластина у шеи приподнялась и опустилась.

Марат попросил начать с общих помещений. Тав-Ир, сопровождавший их с флагмана, предложил сначала зайти в комнату администрации, где подготовлены сведения. Эштар ничего не сказал. Ника заметила, как он смотрит на Марата: не просит, но ждёт, что человек сам выберет нужное.

— Сведения посмотрим после, — ответил Саянов. — Мы договорились о проходе по жилым отсекам.

Тав согласился. Ника подумала, что произнести эту фразу за стеклом было легче, чем здесь, среди людей, чьи двери находились в нескольких шагах от чужой формы.

В первом отсеке сидели дети. Они не бросились к пришельцам; наоборот, притихли и начали сдвигаться к взрослым. Только один мальчик вышел вперёд. На левой накладке его ноги светлела новая нить. Он посмотрел на Нику, потом на Марата и спросил:

— Кто из вас победил?

Переводчик произнёс вопрос нейтральным взрослым голосом. Ника пожалела, что не слышит интонацию ребёнка без посредника. Слова могли быть смешными, страшными, дерзкими. Лицо мальчика оставалось серьёзным.

— Никто из нас не воевал с вашим флотом, — сказал Марат.

Мальчик обернулся к Эштару.

— Тогда почему мы им сдаёмся?

Несколько взрослых тихо заговорили. Эштар положил руку сыну на плечо.

— Орит. Мы как раз это выясняем.

Марат опустился на корточки. В скафандре движение получилось неловким; пришлось поставить одну руку на пол, и ребёнок невольно отступил. Ника увидела, как Саянов замечает это и остаётся на месте, не стараясь сократить расстояние.

— Твой отец попросил нас прийти сюда, — сказал он. — Чтобы мы увидели, как вы живёте. Для этого не нужно никого побеждать.

— А приказывать можно?

— Мне — тебе? Нет.

Орит подумал.

— Хорошо.

Он отошёл к другим детям. Взрослые засмеялись уже громче. Марат поднялся, отряхнул перчатку и встретился глазами с Никой.

— Первое признание полномочий, — сказала она в человеческий канал.

— Самое ясное за последние дни.

Эштар повёл их дальше. Ника оглянулась: Орит что-то объяснял соседнему ребёнку, показывая на человеческие руки. Вероятно, пять пальцев были для него убедительнее всех произнесённых слов.

* * *

Они прошли два длинных ответвления. В одном люди устроили места для сна между старыми грузовыми креплениями, в другом оборудовали небольшую рабочую площадку. Мужчина шлифовал край чужой костяной пластины — не живой, а снятой с одежды; женщина рядом подшивала мягкую вставку. Ника сначала приняла работу за ремонт защиты, потом переводчик объяснил: они делали обувь для тех, кто вырос из прежней.

На стене висели изображения домов. Не кораблей и не правителей. Длинные приземистые здания, открытые внутренние дворы, вода между тёмными уступами. Некоторые изображения были настолько потёрты, что детали исчезли. Под одним кто-то прикрепил настоящий обломок зеленоватого покрытия.

— Оттуда? — спросила Ника у Эштара.

Он посмотрел на обломок.

— Из её дома. Она сняла кусок у двери, когда уходила. Думала, вернётся и вставит обратно.

Женщина возле стены слышала перевод. Подняла голову и сказала несколько слов, не глядя на Эштара.

— Она говорит, что не думала возвращаться, — пояснил переводчик.

Эштар замер. Женщина продолжила:

— Он всё время так объясняет. Я взяла потому, что нравился цвет.

Ника посмотрела на зеленоватый обломок. Он действительно был красив: при повороте головы на нём появлялась тёмная глубина, почти как у мокрого камня.

— Я бы тоже взяла, — сказала она.

Женщина прикоснулась к нему кончиками пальцев и вернулась к работе. Эштар некоторое время шёл молча.

В следующем проходе им пришлось остановиться. Несколько людей складывали сумки на низкую тележку. Возле каждой вещи стояла метка владельца; сбоку лежали две одинаковые чаши, завернутые в мягкую ткань. Ника вспомнила, что на флагмане тоже видела такие чаши, и попыталась понять, бытовая это вещь или знак положения.

Эштар сказал, что уезжают выбранные специалисты. Сегодня — последняя группа из тех, чьё перемещение подтвердили заранее. Капитан Вел-Рат покинул корабль вчера. Временное техническое руководство принял старший механик, а Эштар продолжал отвечать за жильё и запасы.

— Люди хотят уехать? — спросил Марат.

— У некоторых семьи уже там. Другие соглашаются от голода, — ответил Эштар.

Один из мужчин возле тележки выпрямился.

— Говори за себя. Я хочу. Там меня кормят за работу, которую я умею делать.

— Здесь ты тоже умеешь.

— Здесь ты третий раз просишь подождать расчёта.

Эштар отвёл глаза. Марат уже открыл рот и остановился.

Мужчина поднял сумку. Из раскрытого края торчал детский мягкий предмет, похожий на сплетённую птицу. Он заметил взгляд Ники и заправил его внутрь.

— Моя дочь уже там, — сказал он. — Если вы собираетесь кого-нибудь уговаривать остаться, ищите другого.

— Не собираемся, — ответила Ника.

Тав-Ир сделал шаг вперёд.

— Перемещение согласовано. Пожалуйста, не задерживайте погрузку.

Марат посмотрел на него, затем отступил, освобождая дорогу. Тележка прошла между ними. Последней за ней шла женщина с двумя небольшими свёртками. Она несколько раз оглянулась на закрытую дверь справа.

За дверью кто-то стучал.

* * *

Ника услышала стук не сразу: его перекрывал общий шум корабля. Эштар остановился первым. Подошёл к двери, коснулся сигнальной панели. Изнутри ответили. Он сказал несколько слов Тейре, и врач резко повернулась к сопровождающему.

— Почему помещение закрыто снаружи?

Тав посмотрел на отметку двери.

— Ожидают отдельной передачи. Там медицинские ограничения.

— Ограничения назначаю я.

Он не ответил. Женщина со свёртками бросила их на пол и вернулась.

— Мне сказали, что его повезут следом. Только сначала проверят.

Тейра попросила открыть. Тав вызвал местного дежурного. Тот пришёл быстро, но вместо открытия начал показывать распоряжение о перемещении. В списке значились трое взрослых, которых нельзя было брать на назначенный военный корабль до подтверждения работоспособности. Один из них был мужем женщины. Она соглашалась на перевод вместе с ним, а теперь их отправляли раздельно.

— Я не уеду, — сказала женщина.

Тав ответил, что её место уже подготовлено и перенос создаст трудности для всей группы. Она подняла свои свёртки, положила возле двери и села на них.

Ника посмотрела на Саянова. Он стоял перед сопровождающим и ждал, пока закончится перевод. Ника ненавидела эту секунду: всё уже видно, а слова ещё не успели догнать действие.

— Откройте дверь, — сказал Марат.

Тав повернулся к нему.

— Это внутренний порядок. Людям ничего не угрожает.

— Тогда зачем закрыто?

— Чтобы они не вышли до проверки.

— Вы слышите, как это звучит?

— Слышу. Проверка не завершена.

Марат посмотрел на Тейру.

— Есть причина держать их отдельно?

— Есть причина не давать одному работать с тяжёлым грузом. Нет причины закрывать троих в комнате без доступа к общей воде.

Дежурный начал объяснять, что вода у них есть. Эштар подошёл к панели и показал свою метку. Панель отказала. Тогда он повернулся к Таву.

— Откройте. Или назовите человека, который приказал лишить меня доступа к жилой комнате моего судна.

Тав несколько секунд смотрел на него. Наконец подтвердил снятие блокировки.

Дверь разошлась. Внутри было тесно, но не темно. Трое сидели у стены; один держал ладонь на плече другого. Женщина поднялась со свёртков, вошла и сразу заговорила с мужем, не спрашивая разрешения. Тейра прошла следом. Софья осталась у порога, чтобы не теснить ирдского врача.

Эштар взял у дежурного список и потребовал внести отказ женщины от перевода. Тав сказал, что это задержит аппарат. Ника ответила:

— Значит, аппарат задержится.

Он повернулся к ней.

— Вы не командуете им.

— Верно. Командир может улететь с одним пустым местом. Тоже хороший выход.

Марат едва заметно улыбнулся, но Ника не улыбнулась в ответ. Она посмотрела на панель. Когда они уйдут, та снова останется в чужих руках.

Из комнаты вышел один из троих — тот, чьё плечо прежде поддерживали. Он держался прямо, хотя шагал осторожно. Подошёл к Таву и сказал:

— Я поеду. С женой или без. Мне нужна работа.

Женщина появилась у двери.

— Ты не сказал, что согласен отдельно.

— Потому что знал, как ты ответишь.

Ника отвела взгляд. Марат тоже отступил. Тейра осталась рядом с супругами.

Через несколько минут супруги решили ехать вместе, но не на военный корабль: дожидаться другой возможности. Они всё ещё говорили друг с другом сердито, когда Эштар повёл гостей дальше.

* * *

В административной комнате Эштар наконец показал свои сведения. На «Тёплом камне» после последних переводов оставалось три тысячи восемьсот сорок один житель. Состав менялся, поэтому он назвал время последней сверки и отдельно указал тех, кто ещё находился между судами. Марат попросил сохранить обе записи. Ким, подключившийся с «Ласточки», уточнил несколько технических параметров, затем замолчал: большая часть устройства жизнеобеспечения ему ничего не говорила.

— Я могу увидеть наружные соединения? — спросил он.

Эштар посмотрел на старшего механика. Тот согласился на отдельный осмотр, но предупредил, что сможет объяснять только через переводчика и что земной инженер не должен касаться работающих частей.

— С удовольствием не буду, — ответил Ким. — Мне для начала хватит понять, где они.

Ника слушала их вполуха. Она смотрела на перечень обращений жителей. В нём были просьбы о лекарстве, о совместном размещении, о возвращении снятого личного груза, о возможности говорить с родственниками на другом судне. Одну просьбу Эштар отметил другим цветом. Марат тоже заметил.

— Что это?

— Человек просит не отправлять его обратно в систему, из которой вывезли. Он боится местных победителей.

— Почему?

— Его брат служил в карательной группе. Сам он работал на складе. Говорит, что его примут за брата.

— Вы проверяли?

Эштар посмотрел на Марата.

— Каким способом? Я знаю, что он здесь третий месяц и работает на складе. Про брата он рассказал после обращения командующего.

Марат кивнул. Попросил не передавать личное обращение дальше без отдельного разговора с подавшим. Ника заметила, как Тав поправил положение руки. Он ничего не сказал, однако записывал всё, что слышал.

— Вы всех слушаете, — произнёс Эштар. — Это хорошо. Только потом вы улетите.

— Мы не можем остаться на каждом судне, — ответил Марат.

— Я знаю. Поэтому хочу не ещё одного слушателя. Я хочу прямой канал. Чтобы просьба доходила, даже если не понравится нашему командиру.

Саянов посмотрел на Пахомова. Связист объяснил: земная сторона может принять открыто передаваемые обращения, но сеть флотских ретрансляторов остаётся у ирдов. Для независимого канала требуются отдельные передающие средства или выделенное земное судно, а не новая запись в списке полномочий.

Эштар выслушал до конца.

— Значит, вот об этом и просите вашу Землю.

Марат записал просьбу, назвал, когда отправит предложение, и обещал сообщить ответ. Эштар вписал названное время в свой перечень.

Перед уходом Орит снова подошёл к ним. Держал в руках мягкую сплетённую фигуру, не ту, что увёз работник. У этой было широкое плоское тело и два длинных отростка. Мальчик предложил Нике взять её.

Она показала на свои перчатки, затем на стекло маленького переносного контейнера, который нёс Пахомов.

— Мы пока не можем просто передавать вещи. Нужно проверить, что они безопасны для тебя и для нас.

Орит нахмурился.

— Она никого не кусает.

— Верю. Но могут быть вещи, которых мы не видим.

Он подумал, затем спрятал фигурку за спину.

— Тогда я сохраню. Когда научитесь — возьмишь.

Ника посмотрела на Эштара. Тот не уговаривал сына быть вежливее. Она ответила:

— Хорошо. Только не обещай навсегда. Вдруг тебе самому понадобится.

Орит улыбнулся — теперь Ника уже узнавала это движение. Прижал фигурку к груди и ушёл к отцу.

Когда человеческая группа вернулась в свою оболочку и закрыла переход, Ника несколько мгновений стояла неподвижно. Здесь было тихо. Не совсем — собственная вентиляция и насосы продолжали работать, — но шумы были знакомыми и потому не занимали каждую часть головы.

Марат начал диктовать первые впечатления. Ника попросила остановиться.

— Дай минуту.

Он посмотрел на неё, выключил запись и сел на выступ у стены. Ника села рядом, оставив между ними место для сумки Софыи. Врач занималась герметичностью своих вещей, не участвуя в разговоре.

— Что? — спросил Марат тихо.

— Я думала, что хочу увидеть другой мир. А увидела людей, которые не знают, куда денутся завтра.

Он не ответил сразу. Ника была благодарна за паузу. За стеной остались три тысячи восемьсот сорок один житель, незнакомый гул, закрытая комната, маленькая игрушка и зелёный кусок стены, который кто-то взял просто потому, что он красивый.

Марат включил запись и начал с двери, которую пришлось открыть.

Глава 6. Право на дорогу

На Земле посещение «Тёплого камня» понравилось почти всем. Это насторожило Марата сильнее, чем прежние споры.

Сторонники помощи увидели детей, больных и тесные помещения. Сторонники осторожности — ненадёжные порядки и закрытую дверь. Промышленники — потребность в тысячах изделий, которые земные заводы ещё не умели делать, но могли научиться. Военные — корабль, где командир ушёл, а прежняя власть осталась в запертых панелях. Каждая сторона вырезала из записи достаточно правды, чтобы продолжить говорить о своём.

Марат смотрел поступившие комментарии в тесной комнате человеческого модуля. Снаружи работали ирды, готовя новый стыковочный переход; иногда по стене проходила лёгкая дрожь. Перед ним стоял стакан с водой, которую он налил час назад и так и не выпил. Ника лежала в соседней комнате, закрыв глаза повязкой. Она попросила разбудить её через сорок минут и пригрозила, что заметит любую попытку из жалости дать поспать дольше.

Домбровский прислал подробное предложение. Он не начинал его со слов о выгоде. Сначала перечислял, чем Земля действительно может помочь: подходящие металлы, часть простых материалов, вода после проверки состава, изготовление крупных деталей по переданным размерам. Потом объяснял, что сложные живые среды и неизвестные лекарства нельзя заменить земным производством по одному образцу. Для работы нужны инженеры ирдов, открытый доступ к требованиям и право независимой проверки.

Марат прочёл до конца. Внизу были условия участия компаний. Среди них — преимущественное право пользоваться полученными решениями в течение срока, который показался ему слишком длинным.

Он записал ответ:

— Вы предлагаете хорошую помощь и очень удобное будущее для тех, кто первым успеет её оказать. Эти части надо обсуждать отдельно.

Потом стёр последнюю фразу. Домбровский и так знал, что их можно обсуждать отдельно. Именно поэтому прислал вместе.

Марат оставил первое предложение и спросил, на каких условиях союз компаний согласится предоставить передающие средства для прямых обращений жителей. Ответ придёт не сразу. За это время Эштар мог получить ещё десятки просьб, которые снова пройдут через офицера в белом воротнике.

В следующем сообщении Амина описывала предварительное согласие на исследовательскую поездку. Комиссия хотела увидеть один из потерянных миров, получить независимые сведения о войне и установить возможность контакта с другой стороной. Земля не признавала передачи всей имперской собственности и не обязывалась воевать. Полномочия Марата расширяли ровно настолько, чтобы он мог договариваться о встречах, проходе и обмене сведениями. Он прочёл ограничения дважды, запомнив прежде всего места, где они могли помешать.

Ника появилась раньше будильника. На щеке осталась широкая красная полоса от края повязки.

— Есть что-нибудь, из-за чего надо было проснуться?

— Пока только разрешение увидеть другой мир.

Она остановилась у двери.

— Ты специально дождался, пока я встану?

— Нет. Но удачно получилось.

Ника подошла, взяла его стакан и выпила половину воды. Затем посмотрела на стакан, словно только сейчас заметила, что он чужой.

— Прости.

— Там ничего ценного не осталось.

— Вода — всегда ценное. Дай прочесть.

Он развернул экран. Она читала медленно, иногда возвращаясь к предыдущей строке. Марат ждал, не подсказывая. Ему хотелось заметить первое выражение радости, но Ника держала лицо неподвижным до самого конца.

— Кто отвечает за корабль? — спросила она.

— Его капитан. Мы отвечаем за нашу группу и можем прекратить участие, если...

— Если у нас есть на чём прекратить. Земной корабль обратно через чужой ход не полетит сам. Где это написано?

Марат открыл приложение. Ирды предлагали взять «Ласточку» в наружном креплении малого исследовательского судна. При обычной аварии она могла доставить людей к доступному местному объекту, но не заменить межзвёздный двигатель. Прекращение поездки зависело от возврата чужого судна или предоставления другого.

Ника дочитала, затем села.

— Значит, мы можем отказаться. Но ещё не знаем, можем ли уйти.

— Да.

Она долго смотрела на свои руки. Марат слышал, как за стеной что-то включили и низкий звук прошёл через пол.

— Я всё ещё хочу, — сказала Ника. — Но крепление «Ласточки» посмотрим до согласия.

* * *

Корвет назывался «Ближний свет». Его капитан не стала объяснять людям, почему имя выбрано именно так. Сказала лишь, что так звали корабль до её рождения и что она не намерена переименовывать его ради новых пассажиров.

Капитана звали Сой. Она была высокой даже рядом с другими ирдами; пластины на плечах выступали под тёмной одеждой, а одна скула оставалась гладкой после старой травмы. При встрече Сой долго рассматривала Нику, затем попросила показать человеческую руку без перчатки — через стекло, без контакта.

Ника подняла ладонь. Сой наклонила голову и повторила движение своими четырьмя пальцами.

— Вы держите инструменты иначе, — сказала она.

— Некоторые — да. А вы с чего начали?

— С того, что понадобится раньше красивого знакомства.

Ника рассмеялась. Сой, кажется, поняла смех, хотя её лицо почти не изменилось.

Осмотр занял большую часть смены. Корвет не имел огромного просвета флага; между двумя длинными наружными частями лежал защищённый центральный корпус. Снаружи закреплялись небольшие аппараты, запасные блоки и теперь — человеческий модуль. «Ласточку» предполагалось поставить на отдельное крепление, откуда она могла отсоединиться без перемещения других грузов.

Ким попросил показать каждый путь отделения. Сой велела своему инженеру провести испытание пустого крепления, затем объяснила, что после установки земного корабля потребуется повтор. На это уйдёт время, которое командование хотело сэкономить.

— Вы можете сказать им, что это наше требование, — предложил Марат.

— Не понадобится, — ответила Сой. — Своё требование я уже передала.

Он кивнул. Ника посмотрела на него с явным удовольствием.

На внутреннем изображении мостика люди увидели не россыпь непонятных огней, а несколько рабочих мест, где сидели живые ирды и делали привычную работу. Один ел, закрывая чашу ладонью при каждом движении воздуха. Другой спорил с человеком из машинного

отсека. Третий показывал молодому помощнику участок движения и заставлял повторять объяснение своими словами. Марат не понимал содержания, однако сам способ передачи знания оказался знакомым.

— Вы поведёте нас сами? — спросил он Сой.

— Да.

— Почему согласились?

Она посмотрела на него с некоторым удивлением.

— Мне дали подходящую работу.

— Вы могли отказаться?

— Могла просить другого назначения. Не просила.

— Это не одно и то же.

Сой немного помолчала.

— Я хочу сохранить корабль, экипаж и возможность летать. Сейчас это совпало с вашей поездкой.

Марат улыбнулся.

— Гораздо лучше, чем если бы вы сказали, что мечтали встретить людей всю жизнь.

— Я не знала о людях всю жизнь.

Она произнесла это так серьёзно, что Ника снова засмеялась. Марат заметил: возле Сой Ардатов смеётся свободнее, чем возле него. Он ещё не решил, что делать с этим наблюдением, и потому записал его в ту часть памяти, где держал всё лично неудобное.

* * *

После осмотра Марат встретился с Ор-Шевом без всей группы. При нём остались Пахомов и Дёмина; Ника работала на корвете с Кимом. Командующий сам предложил назвать вопросы, на которые люди пока не получили ответа.

— Почему первый мир выбран вами? — спросил Марат.

— Потому что я знаю, куда ещё можно добраться без немедленного боя.

— И потому что знаете, что мы там увидим.

Ор-Шев не стал возражать.

— Да.

Первым пунктом маршрута была система, которую ирды обозначали именем звезды и номером обитаемой планеты. Переводчик предложил короткую форму «Нар-4». Там находились старые производственные поселения, несколько портов и большие области, куда после войны почти не приходили сообщения. Ор-Шев утверждал, что местные власти распались, а вооружённые группы действуют отдельно друг от друга. В окрестности сохранился запасной узел, принадлежавший имперскому флоту. Он мог принять корвет и дать людям возможность высадки.

— Что именно принадлежит вам на планете? — спросил Марат.

— До войны — многое. Сейчас я не обещаю, что каждый человек согласится с прежней записью.

— Тогда не называйте это передаваемым имуществом до проверки.

Ор-Шев отодвинул чашу.

— Вы боитесь принять лишнее.

— Боюсь, что вместе с лишним примем чужое.

— Все империи когда-то принимали чужое.

Марат посмотрел на него. Командующий не улыбался.

— Мы не хотим становиться империей.

— Я слышал ваши обсуждения. Не все ваши люди согласны с этой формулировкой.

Саянов почувствовал раздражение. Ему хотелось спросить, каким образом чужие слушают закрытые разговоры, но он сразу вспомнил открытые выступления, заявления компаний и бесконечные споры, которые Земля сама передавала наружу. Ор-Шев мог выбрать достаточно примеров без всякого тайного доступа.

— Люди могут хотеть разного, — сказал Марат. — Вы уже познакомились с этим обстоятельством.

— Именно поэтому разговариваю с вами. Вы умеете делать так, чтобы разные желания некоторое время шли рядом.

Комплимент был точным. Марат ощутил удовольствие и постарался не показать его.

Ор-Шев продолжил:

— Я не предлагаю вам мою прежнюю власть целиком. Она уже разрушена. Предлагаю то, из чего можно сделать другую. Ваши люди получают путь. Мои — возможность не погибнуть. Между этими желаниями есть место для соглашения.

— Есть. Но кто останется за его пределами?

Командующий долго смотрел на свои руки.

— Тот, кто не успеет. Тот, кто откажется. Тот, кого мы не сможем защитить. Вы хотите, чтобы я назвал это иначе?

Марат не ожидал такой прямоты. Она делала собеседника опаснее и привлекательнее одновременно. Можно было почувствовать себя взрослым человеком рядом с тем, кто не прячет цену. Только цена в его устах относилась к людям, чьих лиц Марат ещё не видел.

— Я хочу, чтобы у нас была возможность установить, кого именно вы готовы оставить, — сказал он.

Ор-Шев поднял голову.

— Тогда летите.

* * *

Вечером Марат записывал сообщение Земле. Он изложил ограничения корабля, состав группы, условия связи и предварительный маршрут. Включил просьбу о прямых средствах связи для гражданских перевозчиков. Отдельно указал отказ «Ровной ночи» и сведения о её удалении от основной группы. Пока корабль не приближался к Земле, но мог совершить самостоятельный переход после подготовки. Это не превращало его намерения в известные.

Селивёрстов в ответе настоял на отдельном передаваемом журнале маршрута. Амина уточнила, что безопасный проход не означает права обещать неприкосновенность любому сопровождающему при любых обстоятельствах. Домбровский согласился предоставить часть оборудования для независимой связи, если его доставку и обслуживание разделят несколько участников. Марат прочёл это предложение с благодарностью, которую не хотел признавать.

Перед сном Саянов собрал человеческую группу, положил на стол весь список ограничений и попросил каждого ответить после чтения, не сейчас.

Пахомов первым сказал, что согласен. Ему хотелось увидеть работу межзвёздной связи на деле, даже если пока она состояла из перевозки записей. Софья попросила уточнить медицинские возможности возвращения. Дёмина — пределы доступа к корабельной охране. Ким несколько раз возвращался к отделению «Ласточки», затем сказал, что согласен при выполнении оговорённых испытаний.

Ника молчала дольше всех. Марат ждал.

— Я согласна, — сказала она наконец. — И хочу, чтобы каждый понимал: я не смогу вывезти вас обратно к Земле только потому, что вы мне доверяете. Я умею вести свой корабль. Между звёздами его поведут другие.

Софья посмотрела на неё.

— А если я испугаюсь уже там?

— Тогда приходи ко мне, — сказала Ника. — Я пока тоже не знаю, как там буду себя чувствовать.

Когда все разошлись, она осталась собирать посуду. В модуле было так тесно, что любое движение между людьми становилось маленькой договорённостью. Марат отодвинулся, пропуская её к нише, затем взял часть чашек.

— Ты давно одна? — спросил он.

Ника остановилась.

— На корабле — никогда. В личной жизни — несколько лет. Это к условиям полёта относится?

— Нет.

— Хорошо. А то я уже начала волноваться, что не тот пункт подписала.

Он рассмеялся. Потом сказал, что тоже живёт один, что был женат и что развод не связан с трагедией, о которой интересно рассказывать перед дальним путешествием. Они просто слишком долго считали, что умеют договариваться, пока не выяснили, что чаще умеют откладывать неприятное.

Ника поставила чашки в крепление.

— Это вполне трагедия. Только без удобного главного виноватого.

— У нас оба нашли.

— Ну, значит, обошлись обычным способом.

Они некоторое время улыбались друг другу.

Ника посмотрела на время.

— Мне рано вставать. Сой обещала показать подготовку хода. Пока без допуска к тому, что можно сломать.

— Тебя это устраивает?

— На первый раз — очень.

Она ушла. Марат остался возле пустого стола и допил воду из собственного стакана. Пахомов прислал подтверждение: согласие участников и уточнённый состав отправлены Земле. Ответ о времени выхода ещё не пришёл.

Он открыл личный канал и записал Рании, что полетит дальше. Не сказал «понадобилось». Сказал, что хочет увидеть то, чего никто из людей ещё не видел, и что понимает не все риски. После записи некоторое время смотрел на своё лицо, потом отправил без исправлений.

Глава 7. Чужое солнце

За сутки до отхода Ника впервые поняла, что не хочет возвращаться на Землю раньше путешествия. Мысль была настолько простой, что она некоторое время стеснялась её. Ей предлагали стать первым человеком, который пройдёт между звёздами, а она радовалась возможности ещё несколько недель не отвечать на вопросы о лице, превратившемся в сетевую шутку.

Рыбинск прислал приглашение на торжественную встречу. Бывший муж написал короткое поздравление, из которого следовало, что он всегда знал о её особенных способностях. Ника прочла сообщение дважды, вспомнив, как часто эти способности мешали совместной жизни, и ответила только благодарностью.

Ким записывал жене большой рассказ о корабле. Ника слышала из соседнего помещения, как он несколько раз начинает одну и ту же фразу и бросает. В конце концов инженер рассердился, выключил запись и вышел.

— Нельзя нормально объяснить, — сказал он. — Показываю одну деталь — надо объяснить ещё десять.

— Расскажи, как ты вчера ударился головой.

— Это она и без меня знает.

Ника улыбнулась. На корвете было немало мест, где человеческое тело ожидало свободного пространства, а ирдская конструкция предлагала выступ. Самой Нике пришлось заново учиться поворачиваться возле дверей. У ирдов пластины на плечах требовали иной ширины, зато голова проходила там, где человек успевал приложиться лбом.

Пол на «Ближнем свете» тянул вниз даже при спокойном ходе. Ирды называли создающее опору устройство словом, которое переводчик сначала передал как «удержание», а затем оставил без русского соответствия. Земные специалисты исследовали только доступные внешние проявления. Ника не пыталась объяснять себе механизм через привычные картинки. Ей было достаточно пока знать, в каких отсеках опора может меняться и за что держаться при её исчезновении.

За последние три дня группа посетила ещё два судна. На одном сохранились хорошие условия, работа и устойчивый порядок; жители опасались, что приход людей заставит их делиться последним с теми, кто раньше не помогал им. На другом находились почти одни повреждённые оболочки, из которых людей уже вывезли. Марат настоял на разговоре с переселёнными, и оказалось, что часть семей не знает, куда попали их прежние соседи. Пахомов вместе с ирдскими связистами составил открытый список переводов. Это было маленькое дело на фоне межзвёздного флота, но именно его жители спрашивали чаще всего.

Прямые передатчики от Земли ещё не прибыли. Эштар получил запись решения о доставке и попросил сообщить, когда отправят сами передатчики. Ника переслала просьбу Домбровскому. Тот прислал время отправления оборудования и попросил не обещать точного прибытия, пока груз не вышел с земного узла.

Теперь «Ласточка» была закреплена на боку корвета. Ким и инженер Сой дважды проверили путь отделения. При втором испытании обнаружили, что одно из соединений удерживает не сам корабль, а защитный кожух поверх него; без отдельного снятия кожуха отходить было нельзя. Ким спорил почти час, затем согласился на новый порядок: сначала ирдские работники снаружи снимают кожух, после этого земной экипаж открывает захваты крепления и отходит. Последние два действия он лично проверил из человеческой рубки.

— Всё? — спросила Ника, когда он вернулся.

— Для того, что мы знаем, — всё.

Она посмотрела на него.

— Хорошо ответил. Сам придумал?

— У вас с Саяновым наслушался.

— Значит, надо меньше сидеть рядом.

Ким наконец улыбнулся и пошёл записывать жене историю про собственный лоб.

* * *

Сой пустила Нику на мостик перед подготовкой хода. Марат остался в человеческом модуле с остальными: капитан разрешила присутствовать только одному наблюдателю, чтобы незнакомые тела не мешали работе. Саянов принял это без спора, хотя Ника видела, как ему хочется пойти.

На мостике не было церемонии. Один из ирдов закреплял небольшую тёмную пластину над своим местом. Другой привязал к поручню полоску мягкой ткани. Ника сначала решила, что это рабочие метки, потом заметила на ткани имя.

— Это память? — спросила она у Сой.

Та посмотрела на полоску.

— Да. Он всегда берёт её в ход. Его старший брат не вернулся с другого корабля.

— Вы разрешаете?

— Пока не мешает рукам. Люди всё равно берут с собой то, чего не видно в списке груза.

Ника коснулась кармана. В нём лежал маленький металлический ключ от квартиры, хотя замок давно открывался другим способом и ключ оставался только запасным. Она не собиралась показывать его капитану.

Сой указала на место у стены. Ника закрепилась и получила доступ только к отдельному наблюдательному экрану. Показания сопровождались переводом, но некоторые значения оставались числами без понятной единицы. Она выбрала то, что могла сопоставить: расстояние от других судов, ход подготовки, состояние человеческого модуля и «Ласточки».

Корвет уходил от флота давно и постепенно. Время до открытия хода определялось не желанием экипажа, а положением в пространстве, подготовкой устройства и проверкой направления. Ника наблюдала, как Сой дважды переносит момент после новых измерений, и не спрашивала, можно ли быстрее.

На дальнем экране осталась небольшая группа белых точек. «Тёплый камень» среди них невозможно было различить. Ника подумала об Орите и его игрушке. Мальчик сказал «когда научитесь», как будто люди пришли в чужой мир немного неподготовленными и должны были просто позаниматься.

Сой спросила, готова ли человеческая часть. Ника получила подтверждения и передала их. Софья отдельно сообщила, что наблюдение за состоянием людей включено и что каждый знает, как позвать её без общего канала.

— У вас все согласны? — спросила Сой.

— Да.

— Хорошо. Тогда оставайтесь на месте. Если будет неприятно, это не повод вставать.

— А если приятно?

Сой посмотрела на неё. Затем пластина у её шеи чуть приподнялась.

— Тем более. Люди часто делают глупости от приятного.

Команда пришла коротким словом на языке ирдов. Его не перевели. На мостике изменился звук: низкий ровный гул стал глубже, но не громче. Ника почувствовала холод в зубах. Он был настолько странным, что она на мгновение забыла обо всём, кроме собственного рта.

Звёзды за наружным стеклом не вытянулись в полосы. Изображение словно потеряло расстояние между отдельными точками, хотя каждая оставалась на месте. Потом стекло стало тёмным — или темнота оказалась за ним. Ника не могла различить. Её тело продолжало ощу-

щать кресло, ремни и руку, лежавшую на колене. Только знакомое представление о том, где находится всё остальное, исчезло.

Она вдохнула. Воздух вошёл нормально. Это помогло больше, чем любые объяснения, которые она прочла за последние дни.

Показания на наблюдательном экране продолжали меняться. Человеческий модуль отвечал. «Ласточка» находилась на креплении. Ким передал одно короткое слово, подтверждая состояние. Ника услышала его голос чуть иначе, словно звук пришёл через комнату с мягкими стенами.

Она не знала, сколько прошло времени, пока не посмотрела на счётчик. Несколько минут. Ей казалось, что либо гораздо меньше, либо гораздо больше; обычная длительность не находила опоры в происходящем.

Потом за стеклом появилась звезда.

Она была неяркой в защищённом обзоре, красновато-белой, с небольшим светлым краем. Рядом раскрылись другие точки. Мостик снова получил внешнее пространство, и Ника почувствовала такое облегчение, что чуть не засмеялась вслух.

Сой не смотрела на неё. Разговаривала с рабочими местами, проверяла выход, принимала подтверждения. Только когда несколько последовательных ответов совпали, капитан повернула голову.

— Прибыли.

Ника хотела спросить что-нибудь умное. О положении, измерении, расходе. Вместо этого сказала:

— Это другое солнце.

— Да.

Сой произнесла слово мягко.

* * *

В человеческом модуле все говорили одновременно. Пахомов пытался понять, почему на короткое время изменился местный звук. Софья просила каждого назвать ощущения отдельно, не подсказывая остальным. Ким повторял, что наружные датчики показали два разных набора звёзд до и после, и всякий раз начинал смеяться на середине фразы.

Марат сидел у стены. Когда Ника вошла, он поднял голову.

— Ну?

Она сняла верхнюю часть защитной одежды, закрепила её в нише и только потом ответила:

— Они тоже волнуются. Просто умеют при этом работать.

Он рассмеялся, затем показал на экран. Там уже было изображение Нар-4. Планета лежала в темноте с узкой освещённой полосой; на ней различались неровные белые области, тёмные моря и несколько крупных коричневых пятен.

— Мы правда здесь, — сказал Марат.

Ника села рядом. Ей не хотелось поправлять его или напоминать о работе. Он говорил так же, как она несколько минут назад.

— Правда.

Они смотрели на планету, пока остальные спорили о записях ощущений. Затем Марат медленно поднял руку и остановил её в воздухе, не касаясь Ники.

— Можно?

Она подала ладонь.

Его пальцы были тёплыми. Ника неожиданно почувствовала близость Земли сильнее, чем в любую минуту до перехода.

Они отпустили руки, когда Софья подошла с очередным вопросом. Врач сделала вид, что ничего не заметила, однако Ника увидела улыбку в её глазах.

— Голова болит? — спросила Софья.

— Пока нет.

— Тошнит?

— Нет.

— Хочется немедленно сообщить всем, что медицина была излишне осторожна?

— Очень.

— Значит, наблюдение продолжаем.

* * *

К старому узлу они подошли через четырнадцать часов обычного полёта. За это время чужое солнце успело стать частью рабочего изображения. Ника выпалась коротко и плохо, поела, просмотрела показания «Ласточки» и снова попросилась на мостик. Сой разрешила, предупредив, что теперь придётся молчать дольше.

Узел оказался большим сооружением из нескольких соединённых частей. Два длинных плеча оставались целыми, третье кончалось неровным разрывом. Вокруг медленно двигались отдельные обломки. Некоторые вращались, показывая то светлую, то тёмную сторону; другие были почти неподвижны относительно станции и оттого выглядели обманчиво безопасными.

Сой не повела корвет к ближайшему целому плечу. Запросила ответ, получила короткий сигнал и начала обход с другой стороны. На мостике стали говорить тише. Ника смотрела на карту, где прежняя разрешённая зона теперь пересекалась с несколькими новыми отметками.

— Изменилось? — спросила она, когда капитан освободилась.

— Да. Здесь меньше движения, чем должно быть. И больше вещей, о которых не сообщали.

Ника вспомнила первое облако обломков возле флота. Ей не понравилось, как быстро в новом мире появился знакомый повтор.

Из-за целого плеча вышло небольшое судно. Оно отличалось от кораблей империи: тёмное, короткое, с большими наружными ёмкостями и неровно закреплёнными защитными листами. Сой приказала удерживать движение. Судно подошло достаточно близко для прямого разговора.

На экране появился ирд с открытым лицом. Одной пластины возле его рта не хватало, и мягкая ткань при разговоре двигалась непривычно. Он посмотрел на обозначения корвета, затем спросил:

— Вы вернулись за оставленным или привезли новых?

Сой назвала корабль и цель прибытия. Указала на человеческую группу, находящуюся на борту. Собеседник некоторое время молчал, словно ждал, что перевод объяснит больше.

— Люди другого мира, — повторила капитан. — Прибыли увидеть положение и говорить с местными.

— Под вашим знаком?

— На моём корабле.

Ирд повернулся к кому-то вне изображения. Ника увидела край чужой руки, удерживающей разбитую часть панели. Затем собеседник снова посмотрел прямо.

— Местные не все хотят с вами говорить.

— Мы можем ждать согласованного допуска.

— Ждать можете. Только не у наших входов.

Он передал точку удержания. Сой проверила её с рабочими местами и согласилась. Ника заметила, что выбранная точка оставляла корвет далеко от уцелевших причалов, но не загоняла в опасное место. Это было недружелюбие, ещё не нападение.

— Кто сейчас управляет узлом? — спросила капитан.

— Те, кто его сохранил.

Связь закончилась.

Марат, наблюдавший разговор из модуля, запросил разрешение передать собственное обращение. Сой согласилась. Он назвал себя, объяснил ограниченные полномочия группы и попросил говорить без присутствия имперского командования, если это поможет встрече.

Ответ пришёл после долгой паузы.

— Тогда сначала уберите с корабля их знак.

Ника посмотрела на Сой. Капитан не изменила выражения лица, но её рука остановилась над рабочей поверхностью. На внешнем корпусе «Ближнего света» оставался знак империи — тонкое белое кольцо, перечёркнутое тремя расходящимися линиями. До этой минуты Ника почти не замечала его. Он казался частью корабля, такой же естественной, как название возле входа.

Теперь кто-то требовал снять с чужой вещи её привычное имя.

— Я не получила приказа менять принадлежность судна, — сказала Сой.

Марат ответил не сразу. Ника ждала.

— Вы согласились на передачу корабля для нашей поездки, — сказал он. — Но не на это.

— Да.

— Тогда давайте спросим, можно ли закрыть знак на время посещения. Без объявления, что ваша прежняя служба никогда не существовала.

Сой посмотрела на тёмное судно. Оно держалось в стороне, не приближаясь и не уходя. За ним висела повреждённая станция, от которой когда-то ожидали удобного приёма.

— Спросите, — сказала капитан.

Пока Марат записывал предложение, Ника смотрела на чужую планету. Освещённая полоса расширилась; в одном из тёмных морей появилось светлое пятно облаков. Мир был красивым. Он не перестал быть красивым оттого, что не собирался их встречать.

На корпусе станции медленно повернулся большой обломок, и Ника увидела на его белой стороне такой же знак, как на корвете. Три линии пересекались возле рваного края. Через несколько секунд обломок снова ушёл в тень.

Глава 8. Первый берег

Имперский знак закрывали вручную. Двое работников вышли на наружную часть корвета, закрепили тёмное полотно на подготовленных держателях и проверили, не мешает ли оно соседним приборам. Со стороны это выглядело небольшим изменением. Марат знал, сколько разговора понадобилось, прежде чем Сой велела принести полотно.

Капитан не пришла смотреть на работу. Осталась на мостике и принимала местные данные о безопасном спуске. Тав-Ир стоял возле обзорной стены. Когда кольцо с тремя линиями исчезло, он отвернулся.

— Вы считаете это унижением? — спросил Марат.

— Вы считаете это необходимостью.

— Я спросил о вас.

Тав посмотрел на человека.

— Иногда лучше, когда вы не спрашиваете. Тогда можно выполнить нужное и не объяснять вам ещё и собственное лицо.

Марат кивнул.

Разрешение на спуск пришло после подтверждения, что знак закрыт. Местный руководитель причалов назвал себя Иаром. Он не представлял всю планету, только уцелевший узел и несколько связанных с ним наземных площадок. Его люди соглашались принять земную группу и поговорить о состоянии мира. Имперские военные могли сопровождать гостей в ограниченном числе, без открытого оружия. Маршрут спуска и место посадки менялись по последней обстановке.

— Почему меняются? — спросил Марат.

— Потому что здесь живут другие люди, кроме нас, — ответил Иар. — Некоторые стреляют, когда видят военный аппарат. Ваше желание поговорить не сообщено каждому из них.

Сой предложила отложить высадку до дополнительной проверки. Иар согласился без раздражения. Это понравилось Марату больше, чем если бы хозяин принялся убеждать их в полной безопасности.

Они ждали ещё одну смену. За это время на борт поднялись два местных техника. Они осмотрели спускаемый аппарат, передали ему временное обозначение и показали капитану участок подхода, который следовало исключить. Ника присутствовала при разговоре, но не вмешивалась: местные знали своё небо, а она пока знала только, как называется прибор, показывающий высоту.

Спускаться решили вшестером: Марат, Ника, Софья, Пахомов, Тав и ирдский пилот Деир. Дёмина осталась на корвете, не скрывая недовольства. Сой ограничила число людей в аппарате по фактическому состоянию посадочной площадки и возможностям возврата. Ирина согласилась после того, как порядок связи и действия при задержке проговорили заново.

Перед входом в аппарат Тав помог Марату проверить наружную застёжку. Ожог на ладони снова оказался рядом с человеческими пальцами. Марат вспомнил рассказ о нагревательной чаше и спросил, остался ли у офицера дом.

— Осталось место, где он был, — ответил Тав.

— Вы знаете точно?

— Да.

Марат не стал спрашивать, кто там остался. Тав заметил паузу и сам добавил:

— Жена успела уйти. Дочь тоже. Сейчас они на одном из судов при флоте.

— Вы говорите с ними?

— Когда канал свободен.

Офицер закончил с застёжкой, показал знак готовности и отошёл к своему месту. Марат представил его перед общим экраном, ожидающим, пока закончится чужой разговор. Ещё перед переходом он сам сердился, что Пахомов отправлял личные сообщения Земле после необходимых рабочих записей. Хотелось сказать Таву что-нибудь об этом сходстве, но офицер уже занялся ремнями, и Марат оставил его в покое.

* * *

Нар-4 встретила их облаками. Аппарат вошёл в плотную белую область, и наружный обзор стал похож на земное утро в тумане, только тело чувствовало непривычный наклон. Марат держал руки на ремнях и старался не сжимать их слишком сильно. Ника сидела напротив, наблюдая за доступными показаниями.

Облака разошлись. Внизу появилась тёмная вода и длинный берег с низкими светлыми сооружениями. Некоторые стояли целыми рядами, другие выглядели как вскрытые коробки. Между ними тянулись дороги, слишком прямые и широкие для того, что на них теперь двигалось. Марат разглядел несколько малых машин, цепочку пешеходов и большое неподвижное пятно на перекрёстке. Когда аппарат подошёл ближе, пятно оказалось перевёрнутым корпусом наземного перевозчика, вокруг которого давно проложили обход.

— Здесь был порт? — спросил он.

Тав посмотрел вниз.

— Есть порт.

Поправка прозвучала неожиданно резко. Марат кивнул.

На площадке их ждал Иар. Он оказался тем самым ирдом с повреждённым лицом, который говорил с ними у станции. На земле его одежда была покрыта светлой пылью. Он не выстроил встречающих в ряд, не предложил общих слов о двух народах. Показал на низкое укрытие и попросил сначала проверить, могут ли люди находиться внутри без перегрузки собственных систем.

Софья и Деир сделали необходимые измерения. Люди остались в замкнутой защите. Иар не удивился и не обиделся; только попросил не подходить вплотную к детям, пока обе стороны не выяснят больше.

Марат впервые ступил на поверхность другого мира. Под подошвой лежало твёрдое покрытие с мелкой крошкой. Ничего не вспыхнуло, не запело и не изменилось. Он стоял, слышал собственное дыхание, видел перед собой чужого человека и чувствовал, как трётся о пятку край защитной обуви. Именно эта обыкновенность заставила его задержаться.

Ника заметила.

— Всё нормально?

— Да. Просто хочу запомнить.

— Тогда запомни, что первый шаг сделал на чьём-то пыльном складе.

Он рассмеялся. Иар посмотрел на них, дождался перевода и тоже сделал движение, которое уже можно было признать улыбкой.

— Хороший склад. До вас здесь стояла пища. Люди были рады гораздо сильнее.

* * *

Иар повёл их к берегу. Они шли медленно, потому что человеческая одежда мешала привыкнуть к местной тяжести, а Марат всё время останавливался посмотреть. Над водой двигались плоские живые существа; издали они напоминали птиц, но держались почти у поверхности и иногда исчезали в ней целиком. Переводчик назвал их местным словом, не предлагая земного соответствия. Марат повторил его и сразу понял, что произносит неправильно.

— Они едят то, что остаётся после нас, — сказал Иар. — Пока мы оставляем. Во время голода ушли дальше вдоль берега. Теперь вернулись.

У одного из домов на открытом месте сушилась одежда. Рядом сидели трое взрослых и ребёнок, занятые большой сеткой. Они подняли головы при появлении группы. Ребёнок встал и показал на Марата. Взрослая женщина удержала его возле себя, однако сама подошла ближе.

— Это они? — спросила она Иара.

— Они.

Женщина посмотрела на человеческие шлемы, на руки, на Тава. Её лицо изменилось при виде офицерской одежды.

— Почему он здесь?

— Сопровождает, — ответил Иар. — Пока только сопровождает.

Она отошла к сетке. Ребёнок продолжал смотреть. Ника помахала ему рукой; он повторил движение, растопырив четыре пальца, и тут же спрятал ладонь за спину, когда мать обернулась.

Марат спросил, чем люди здесь живут теперь. Иар ответил охотно. Рассказывал о ловле прибрежных существ, о старых складах, которые удавалось открывать, о небольших мастерских и обмене с соседними площадками.

— Когда прекратилась работа большого порта? — спросил он.

— Когда последние военные ушли с тем, что ещё могли увезти.

Тав поднял голову.

— Порт был повреждён раньше.

— Да, — ответил Иар. — Поэтому мы попросили оставить хотя бы два подъёмных судна.

Они ушли последними.

— Их нельзя было бросить противнику.

Иар остановился.

— Вот мы стоим. Противник. Едим, чиним сеть, учим детей не подходить к незнакомым.

Очень опасно было оставить нам подъёмное судно.

Тав промолчал. Марат видел, как напряглась его шея, и ожидал нового спора. Иар сам пошёл дальше.

У берега находилось большое открытое помещение, где раньше ремонтировали аппараты. Теперь часть пространства занимали спальные места, часть — рабочие столы, а возле дальней стены стояли ёмкости с водой. Марат заметил на одной белые следы многократных переливов. Они были похожи на отметки уровня, но ни одна линия не совпадала с соседней.

Иар показал им уцелевшие записи порта. Пахомов проверил возможность копирования, не подключая земное устройство к местной сети. Марат попросил объяснить, какие записи создавались до отхода флота, какие позже и кто имел возможность менять их. Хозяин выслушал и позвал старую работницу, которая знала систему лучше него.

Она пришла неохотно. Увидев Тава, остановилась на пороге, но Иар тихо сказал ей несколько слов. После этого она прошла к столу и начала показывать реальные отправки. На экране появлялись даты по местному счёту, номера судов, грузы, отметки повреждений. Марат не понимал большинства обозначений. Следил за пальцами женщины: они уверенно находили нужную строку, задерживались на другой.

— Здесь ушли инструменты, — сказал переводчик за неё. — Здесь — рабочие покрытия. Здесь — люди, которые могли чинить установки. Эти вернулись. Эти нет. Об этих не знаем.

Марат попросил выделить последнее отдельно. Женщина посмотрела на него с подозрением.

— Зачем?

— Чтобы не сказать потом, будто мы установили их гибель.

Она кивнула. Впервые с начала встречи её плечи немного опустились.

* * *

Возвращаться начали раньше согласованного времени. Иар получил сообщение, прослушал его дважды и попросил группу идти к аппарату без дальнейших остановок. Марат не стал задавать вопросы посреди прохода. Только у выхода спросил, что изменилось.

— На северном направлении появилась вооружённая группа. Они не согласовали движение с нами. Увидели ваш спуск.

— Вы знаете, кто это?

— Предполагаем. Этого достаточно, чтобы вам сейчас уйти.

Деир уже готовил аппарат. Ника проверяла посадку людей, Софья помогла Пахомову закрепить тяжёлый контейнер с изолированными копиями и образцами. Антон хотел поставить его возле ног, но врач настояла на грузовой нише: при резком движении вещь могла ударить человека.

Марат остановился у входа.

— Иар. А вы?

Хозяин посмотрел на него с коротким недоумением.

— Мы здесь живём.

Марат замялся.

— Я хотел спросить, нужна ли вам помощь.

— Если начнётся бой, не возвращайтесь стрелять по тем, кого не различаете. Уже поможет.

Он отступил. Марат вошёл, дверь закрылась. Через прозрачную часть он ещё видел Иара и женщину у дальнего навеса. Они не бежали, но двигались быстрее прежнего.

Аппарат поднялся. Берег начал уходить вниз. Деир держал согласованный маршрут, получая сообщения от площадки и корвета. Ника сидела рядом с пилотом, наблюдая за доступной частью картины. Марат почувствовал облегчение и тут же разозлился на него: люди на берегу остались там, где он только что перестал бояться за себя.

Первый удар пришёл сбоку. Не громкий взрыв, а резкий толчок, от которого зубы стукнули друг о друга. Свет в кабине изменился. Деир что-то сказал, и перевод не успел закончиться до второго движения.

Аппарат резко наклонился. Марат вжался в ремни. Пахомов напротив ударился плечом о боковую опору и вскрикнул. Софья потянулась к нему, но Ника коротко приказала оставаться закреплённой.

За стеклом мелькнул берег, потом небо, потом тёмная вода. Марат не мог понять, падают они или разворачиваются. Его тело получало разные направления раньше, чем взгляд находил хоть одно устойчивое.

— Держимся, — сказала Ника. — Все отвечают по именам. Марат?

— Здесь.

— Софья?

— Здесь. Антон травмирован, в сознании.

— Антон?

— Да. Да, я здесь.

Тав сам назвал себя. Деир не отвечал на переключку: обе его руки были заняты, лицо стало почти неподвижным. На одном плече темнело пятно. Ника передала корвету короткий доклад, затем спросила пилота, что ему нужно от людей.

Он сказал одно слово. Переводчик выдал «не мешать».

Ника кивнула.

Аппарат прошёл низко над водой. Марат увидел белую полосу, поднявшуюся позади, и понял, что третий удар пришёлся мимо. Плоские живые существа бросились в стороны. Одно попало в край обзора так близко, что стало видно полупрозрачную кромку тела.

Деир повёл аппарат вдоль тёмного уступа. Слева мелькнула разрушенная опора, справа — широкий проход между двумя низкими зданиями. Они снижались, хотя Марат надеялся, что уже уходят вверх к кораблю. Ника спросила о возврате на орбиту. Пилот ответил длиннее, и перевод сообщил: повреждённая подача, подъём сейчас не гарантирован, нужна посадка.

Марат почувствовал, как холодеют ладони. Его желание увидеть другой мир исполнилось слишком полно: теперь этот мир не собирался сразу отпустить.

Они сели за низким каменным выступом, возле старого наземного пути. Удар был тяжёлым, но аппарат не перевернулся. Несколько секунд никто не двигался. Затем Ника снова назвала людей по именам.

Пахомов отвечал сквозь зубы. Софья попросила разрешения освободиться. Ника посмотрела на Деира, дождалась его подтверждения и только после этого расстегнула собственные ремни.

Марат увидел кровь на одежде пилота. Она была темнее человеческой и лежала густым пятном, не расползаясь так быстро, как он ожидал. Тав уже доставал из закреплённой ниши медицинский набор. Софья указала ему на рану и спросила, умеет ли он пользоваться средствами. Офицер кивнул.

— Тогда вы с ним. Я с нашим, — сказала она.

Марат вызвал Иара. Сообщение сначала не проходило. Он повторил, называя себя и место, которое показывал прибор. Снаружи было тихо. От этой тишины хотелось говорить громче, но он удерживал голос ровным.

Ответ пришёл с помехами.

— Не выходите на дорогу. Видим вас. Идём.

Марат повторил предупреждение Нике. Она посмотрела в наружный обзор, затем на Деира, который сидел неподвижно, пока Тав закреплял повязку.

— Они успели сообщить, кто стрелял? — спросила она.

— Нет.

— Тогда пока никто из нас этого не знает.

Он кивнул. За стеклом лежала чужая земля — совсем близко, с мелкими камнями, сухими стеблями и чёрным следом их посадки. Марат смотрел на неё и пытался вспомнить, что чувствовал при первом шаге на пыльный склад.

Глава 9. Цена возвращения

Ника сперва решила, что дрожит аппарат. Потом увидела неподвижный край двери и поняла: дрожат её колени. Она прижала их к сиденью, пока открывала переговорный канал. Сой ответила сразу.

— Положение вижу. Второй аппарат готовим. Над вами нельзя зависать. Там стреляют.

— Заметили, — сказала Ника и тут же пожалела о тоне. — Двое пострадавших. Все живы. Деир посадил за выступом. Он ранен, но говорит с нами.

— Дайте ему канал.

Ника передвинула связь к пилоту. Тав закончил крепить повязку и отступил, чтобы она не задела его локоть. Из открытой рядом сумки выступал обломок тонкой тёмной пластины, испачканный кровью. Пластина отлетела от боковой панели при первом попадании. Тав показал на неё, потом на повреждённое место в стене; Ника кивнула. Ей было нужно знать, остаётся ли в кабине ещё что-нибудь способное ударить людей.

На внутренней стороне пилотского стекла расползлась сетка трещин. Наружный слой пока держал. Деир, говоря с капитаном, следил за показаниями и несколько раз пытался поднять раненую руку. На третий раз Тав положил ладонь ему на предплечье.

— Другой, — сказал он.

— Другой я держу связь.

Тав забрал передатчик. Пилот посмотрел на него с такой обидой, будто лишился последнего удобства в этом дне, затем продолжил доклад.

Софья осторожно ощупывала плечо Антона сквозь мягкую часть защитной одежды. Наружную оболочку она не снимала. Антон сидел бледный, мокрый, с нижней губой, втянутой между зубами.

— Не кусай, — сказала она. — Плеча мне достаточно.

— Я думал, это помощь организму.

— Организм передал: перестань.

Ника опустила руку возле них.

— Он сможет идти?

— С поддержкой. Бежать я ему не предлагаю. Сейчас закреплю руку.

— Ничего не предлагаете, а я всё делаю, — сказал Пахомов.

На этот раз получилось почти весело. Ника почувствовала, как отпускает грудь. Она могла работать с его болью, страхом, даже злостью; страшнее было бы не услышать ответа.

Марат стоял у двери. Он не трогал замок, просто смотрел в наружное изображение. По камням приближались три фигуры, держась ниже гребня. Иар шёл первым, за ним — низкий ирд с широким ящиком на спине и женщина в плотной серой одежде. У женщины на плече висело оружие. Марат назвал хозяина порта по связи и попросил остановиться там, где их видят.

Иар поднял обе руки. Его спутники остановились.

— Это Ов и Салла. Ов чинит наши машины, Салла умеет не попадать в нас. Откройте, пока нас не заметили с дороги.

Ника посмотрела на Деира. Он закончил разговор с Сой, проверил герметичность человеческих костюмов по тем отметкам, которые ему показала Софья, и открыл наружную дверь. В кабину ворвался низкий шорох. Ветер тёр о корпус песок.

Иар вошёл один. Наклонился к раненому пилоту, что-то спросил, выслушал. Потом оглядел людей.

— Отсюда надо уходить пешком. За гребнем машина. До неё недалеко, но открытое место придётся пересечь.

— Мы ждём свой аппарат, — сказала Ника.

— Он сядет туда, где мы сможем его прикрыть. Сюда не сядет. Они уже смотрят на вас.

— Кто?

Иар поморщился, и повреждённая пластина возле его рта сдвинулась.

— Рем. Раньше охранял дальние склады. Теперь считает, что всё военное на нашем берегу принадлежит ему. С людьми у него по-разному. Иногда отпускает.

Тав поднялся.

— Ты привёл нас в его область?

— Я привёл вас в свою. Он приехал вслед за вами.

Иар посмотрел на офицера долго и устало.

— Если тебе нужен виновный до выхода, назначь меня. Потом выйди.

Тав первым двинулся к двери, но Ника остановила его. Нельзя было отправить сильного человека вперёд, оставив двух раненых и ящик, которого один Марат не поднимет. Они распределили ношу: Тав поддержит Деира, Софья — Пахомова, Ника с Маратом заберут контейнер. Иар будет показывать дорогу. Ов успел осмотреть наружную повреждённую часть и теперь молча ждал у входа.

Пилот отказался встать.

— Сначала память пути.

Он указал на узкую нишу возле своего сиденья. Тав повернулся к ней, но Деир отстранил его руку и сам ввёл последовательность на панели. Из гнезда вышел небольшой плоский блок. Пилот проверил погасшие отметки и сунул блок во внутренний карман одежды.

— Теперь.

Ника запомнила это движение. Чужой корабль был полон вещей, чьё назначение ей оставалось неизвестно. Она спросила Деира, что он забрал. Пилот, уже опираясь на Тава, объяснил: без записи пути аппарат всё равно умел подниматься, но не мог рассказать первому нашедшему, откуда пришёл его большой корабль.

Ов задал Деиру быстрый вопрос. Пилот покачал головой. Механик снял со спины ящик, вынул длинный инструмент и отсоединил от повреждённой наружной рамы выступающий проводник. Искра рассыпалась по камням. Иар выругался.

— Теперь не загорится, — сказал Ов. — А раньше мог.

— Мы уже уходим.

— Тогда уходите от того, что не загорится.

Он поднял ящик. Нике понравился этот ирд гораздо сильнее, чем следовало бы после одной реплики.

* * *

Снаружи тяжесть оказалась хуже, чем при первой высадке. Тогда Ника шла свободно и смотрела на берег. Теперь половина контейнера тянула руку вниз, а Марат на другом конце делал шаги короче её шагов. Она остановилась, переставила захват и велела ему не торопиться.

— Я не тороплюсь.

— Ты уже обгоняешь собственные ноги. Давай ровнее.

Он послушался. Они пошли рядом. Ника смотрела не на горизонт, а на камни перед подошвами; между двумя нашла полоску голой влажной земли, которой не заметила бы с корабля. Тут недавно текла вода. Деир впереди задел ногой выступ, Тав удержал его и сам ударился коленом. Никто не сказал ни слова.

Первый раз Салла выстрелила, когда они почти добрались до низкой впадины. Ника увидела только, как женщина присела, упёрлась плечом в камень и направила оружие выше ста-

рого пути. Звук пришёл глухой, короткий. Потом раздался другой, со стороны дороги. Над головой треснуло; от края выступа отлетела белая крошка.

— Ниже! — крикнул Иар.

Марат не бросил контейнер. Он присел вместе с ним, неловко повернув спину. Ника потянула его за плечо к земле. Ящик ударился о камень, но крепления выдержали. Софья и Пахомов уже лежали за соседним выступом. Тав прикрыл Деира своим телом.

Салла снова выстрелила. Иар говорил в передатчик, не пригибая головы ниже необходимого. Из обрывков перевода Ника поняла, что он обращается к Рему по имени и требует отвести машину от дороги.

Ответ был слышен через наружный усилитель. Незнакомый голос произнёс длинную фразу. Иар выключил звук на своём устройстве, но Марат уже поднял голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.